

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

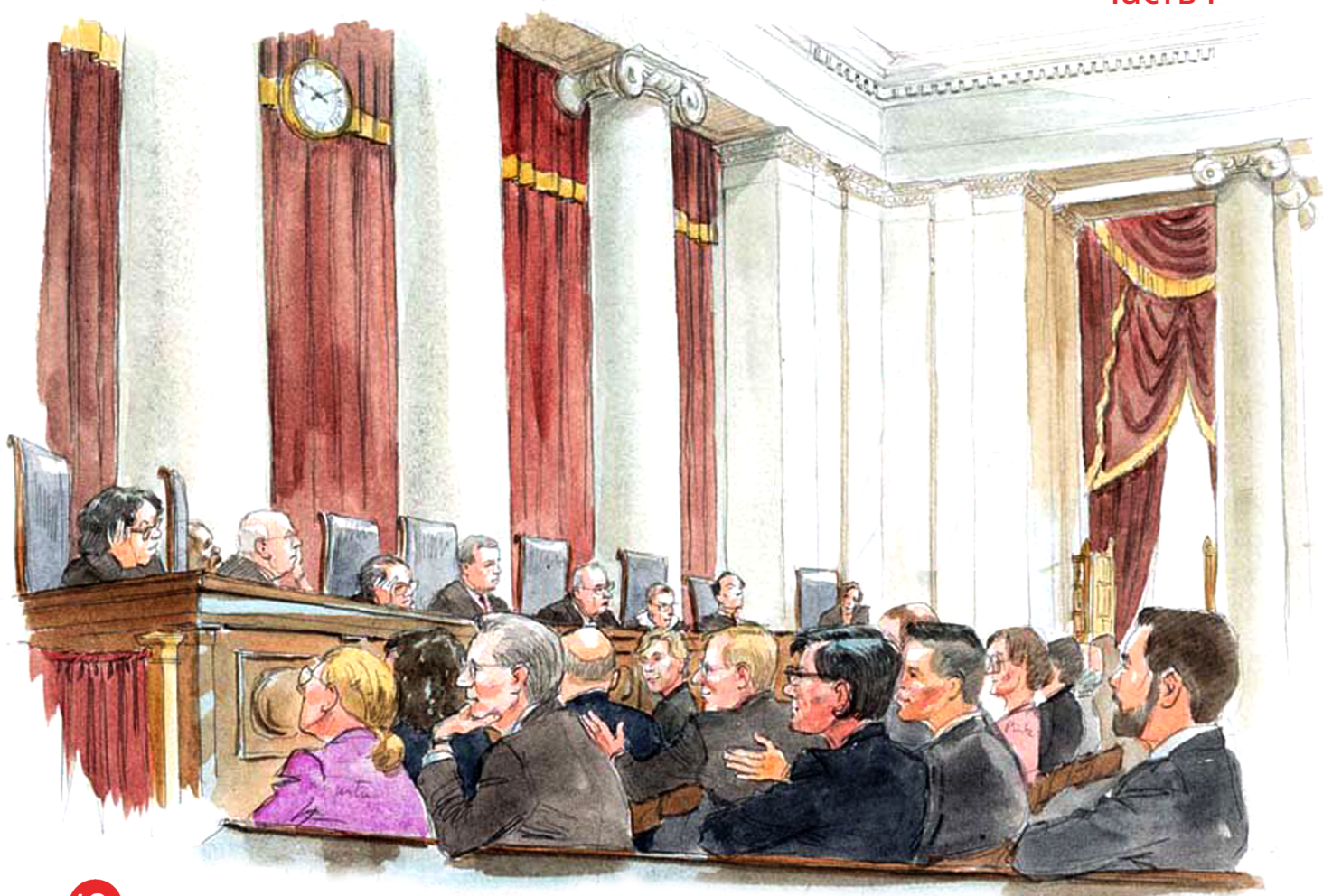
ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

международный научный журнал

9
2021

Часть I

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№9 (33) / 2021

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Арапханова Х.А. Теоретико-правовое обоснование понятия «депутат» в законодательстве субъектов Российской Федерации	1
Наумова Н.В., Арутюнян А.М., Балыгин М.К., Помиркованый П.Д. Дистанционное электронное голосование в Российской Федерации	4
Наумова Н.В., Куракина В.Д., Рябова С.В. Приоритеты национальной безопасности современной России	7

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Иванов И.А. Местное самоуправление в политической системе современной России: состояние и проблемы функционирования	10
---	----

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Соболев А.А. Некоторые проблемы социальной защиты военнослужащих и пути их решения	14
--	----

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Амичба Л.Р., Раскопин Д.А., Мокеров Л.Н., Бабкин А.В., Филиппов А.В. Проблемы применения мер принуждения в оперативно-розыскной деятельности	18
Амичба Л.Р., Рассохин А.В., Владимиров Г.А. Актуальность введения нового оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» и проблемы его проведения	21

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Алиев С.З., Насимов Г.А. Угроза половой неприкосновенности несовершеннолетних в эпоху цифровизации	25
Архипова Ю.Е. Сходство и различие предварительного и судебного следствия. Специфичность судебного следствия	27
Мязин А.Е. К вопросу о разграничении угрозы совершения террористического акта и заведомо ложного сообщения об акте терроризма	30

Пестерева Ю.С., Носкова Д.П. Социальная адаптация лиц, освобождённых из мест лишения свободы актом об амнистии	33
Садовников А.В. Действие принципов уголовного процессуального права на стадиях уголовного судопроизводства	35
Тарасенко В.В., Дубинцова Д.Г. Актуальные вопросы реализации принципов уголовного закона	37
Хуинь Хыу Тинь, Нгуен Зуй Зунг К вопросу об источнике доказательств — электронные данные в уголовно-процессуальном кодексе Вьетнама 2015 года	42
КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА	
Володин А.В. Зарубежный опыт отыскания доказательств с использованием цифровых технологий (на примере США)	45
Полуничев А.И. Рост преступности несовершеннолетних: причины, последствия, меры противодействия	47

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Теоретико-правовое обоснование понятия «депутат» в законодательстве субъектов Российской Федерации

Арапханова Хяди Алихановна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассмотрены нормативные и теоретические основы, регламентирующие статус и понятие «депутат законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ». Дается общая характеристика понятия «депутат», анализируются правовые и теоретические подходы к конституционно-правовому статусу депутата. Обращено внимание на институт ответственности, сделаны выводы и обобщены подходы в отношении рассматриваемого понятия.

Ключевые слова: депутат, статус, мандат, ответственность, полномочия, выборное лицо, парламент, субъект РФ.

Инициатива Президента РФ о внесении изменений в Конституцию РФ в начале 2020 года была поддержана представителями народа и в первую очередь парламентариями. После проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию РФ, наука и практика конституционного права значительно обогатилась новыми направлениями, произошли серьезные изменения по приведению законодательства в соответствие с нормами измененной Конституции РФ, были приняты и принимаются разнообразные правовые акты, направленные на конкретизацию норм Конституции РФ.

Понятие «депутат» в российской правовой системе употребляется довольно широко, при этом в разном юридическом контексте. Согласно нормам статьи 2 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1] под депутатом понимается лицо, избранное избирателями соответствующего избирательного округа в представительный орган государственной власти или в представительный орган муниципального образования на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Зачастую понятие «депутат» соотносится с понятием «правовой статус» или «правовое положение депутата», а в некоторых случаях с «депутатским мандатом». Понятие «статус» означает «положение или состояние кого-либо или чего-либо». Зачастую термины «правовой статус» и «правовое положение», употребляются синонимично. Правовой статус депутата, закрепленного в вышеназванном законе находит свое отражение в теоретическом подходе М. В. Баглая, который отмечает, что «Совокупность основных прав, свобод

и обязанностей выборного лица выражает его конституционно-правовой статус. Этот правовой статус является основой общей правоспособности лица, т. е. открывает ему возможность для любых законных действий» [2, с. 127].

Одной из конституционных новелл стало совершенствование законодательной базы в сфере организации и функционирования публичной власти на основании внесенной поправки в Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [3], закрепившей на законодательном уровне понятие «сенатор». В этом же законе дана легальная дефиниция «депутат Государственной Думы», под которым понимается избранный в соответствии с федеральным законом о выборах депутатов Государственной Думы представитель народа, уполномоченный осуществлять в Государственной Думе законодательные и иные полномочия, предусмотренные Конституцией Российской Федерации.

На уровне местного самоуправления в статье 1 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4], также закрепляется понятие «депутат» — член представительного органа поселения, муниципального района, муниципального округа, городского округа, городского округа с внутригородским делением, внутригородского района или внутригородской территории города федерального значения. Однако в указанном законе дается понятие «депутат», но не конкретизируется какой системы публичной власти.

Таким образом, понятие «депутат» формулируется и закрепляется на двух уровнях публичной власти:

на федеральном и муниципальном. Однако при анализе Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее 184-ФЗ) [4], понятие «депутат» отсутствует, что вызывает недоумение. С одной стороны, в законе прямо определяется, что система Законодательных (представительных) органов власти устанавливается субъектами самостоятельно в своих Конституциях и Уставах, однако федеральный законодатель в нормах 184-ФЗ закрепил жесткую императивную норму, определяющую, что в каждом субъекте РФ создаются законодательные органы, которые состоят как раз из депутатов.

Исходя из такой пробельности правового регулирования и пользуясь общими подходами и принципами избрания законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, закрепленных в статье 10 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ, можно определить правовые начала, свойственные для понятия «депутат» в законодательстве субъектов Российской Федерации. Во-первых, это лицо, всегда избираемое населением того региона, в котором он баллотировался; во-вторых, постоянно проживающий в Российской Федерации, не имеющий гражданства (подданства) иностранного государства; в-третьих, обладающий пассивным избирательным правом. Что касается самого статуса регионального депутата, срока его полномочий, порядка подготовки и проведения выборов — все эти вопросы могут определяться в законодательстве субъекта РФ.

В Федеральном законе от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ, к сожалению, статусные характеристики «депутата» регионального парламента не раскрыты. Отмечу, что практическое значение закрепления на федеральном уровне понятия «депутат законодательного органа субъекта Российской Федерации» выступает особым объектом исследования, т. к. вертикаль законодательной власти (Федеральный парламент, региональные парламенты, местные парламенты), в целом, согласно нормам Конституции РФ, составляет единство системы органов публичной власти. Отмечу и тот факт, что исследуемое понятие «депутат регионального парламента» затрагивает интересы населения, поскольку речь идет о правовом положении его представителей в региональных органах власти, призванных в максимальной степени выражать самые разнообразные интересы населения.

В юридической литературе существуют разнообразные трактовки и подходы к понятию «депутат» законодательного (представительного) органа. Так, по мнению Садовниковой Г. Д., понятие депутата определяется совокупностью правовых норм, которые регулируют общественные отношения, связанные с политико-правовой природой мандата, его возникновением, прекращением и сроком действия, полномочиями, а также гарантиями, ответственностью и ограничениями в связи с осуществ-

лением принадлежащих депутату полномочий» [5, с. 65]. Фактически из данного определения следует, что между самим понятием «депутат» и «депутатский мандат» можно поставить знак равенства.

Иным научным подходом, является позиция Лебедева В. В., который считает, что под понятием депутат законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации следует понимать закрепленное в федеральном и региональном законодательстве правовое положение, определяющее его место в системе органов государственной власти и включающее следующие элементы: порядок избрания, срок осуществления полномочий, формы деятельности, гарантии деятельности, ответственность [6, с. 9].

Кем же является депутат? — в своей диссертационной работе ставит вопрос Захаров И. В. Отвечая на этот вопрос он указывает, что депутат представляет интересы народа и населения на территории субъекта (муниципалитета), в пределах которой он выбран. Во-вторых, депутат представляет интересы населения в частности и общества в целом. В-третьих, депутат обязан воплощать в жизнь интересы общества, его волю, а не свои. В этом и состоит суть понятия «депутат» и сущность «депутатского мандата» [7, с. 18–19]. Из данного определения-рассуждения следует, что автор связывает понятие депутат с депутатским мандатом, прямо указывая на то, что «Категорию «депутат» следует связывать именно с понятием «депутатский мандат» [8, с. 19]. Добавлю, что в определении сосредоточены общие характеристики понятия «депутат» — это и избираемость население; получение права на участие в заседаниях выборного органа с принятием решений в интересах всего общества; ответственность.

Обращу внимание и на подход, раскрывающий понятие «депутат представительного органа власти субъекта» через депутатский мандат с исполнением депутатских полномочий. Депутат — это избираемое население через закрепленную в законе процедуру выборов лицо, которое получает непосредственно от избирателей особую группу полномочий по принятию законодательных актов. Таким образом, «с получением мандата депутат приобретает особый статус, который обеспечивает ему беспрепятственное участие в деятельности представительного органа» [9, с. 61]. Возможно согласиться и с тем, что население субъекта РФ передает свое право на представления их полномочий выборному лицу, наделяя его властными, законотворческими функциями. Такой подход полностью отражает «официальную», так сказать законодательную трактовку статуса депутата, однако законодательный подход здесь не работает, т. к. понятия «депутат представительного (законодательного) органа субъекта Российской Федерации» в законах не содержится. В этом, как упоминалась ранее и заключается проблема, «в определении устанавливаются основные признаки понятия и без расшифровки этих свойств невозможно рассуждать о статусе того или иного лица» [10, с. 20]. Сформулировав на законодательном уровне данное понятие, парламен-

тарий снял ряд коллизий правового регулирования, нивелировал пробельность правового регулирования между федеральным, региональным и местным уровнями власти на понятие «депутат».

Анализируя подходы к понятию «депутата» законодательного (представительного) органа власти, обратимся к понятию, предложенному Захаровым И. В. «под депутатом представительного органа понимать полномочного представителя населения, избранного в соответствии с избирательным законодательством и обладающим правом в решении всех вопросов, относящихся к компетенции указанного органа» [7, с. 44]. По сути, данное определение полностью поддерживается мной, т. к. отражает суть депутатского мандата и характер депутатских полномочий.

В теории конституционного права высказывается подход, согласно которому при характеристике правового статуса депутата наряду с правами, обязанностями и гарантиями, особым элементом выступает ответственность. По мнению профессора Авакьяна С. А., в понятие конституционно-правового статуса депутата следует включать такие существенные характеристики, как полномочия, срок их осуществления, а также компетенцию и сферу ведения [9, с. 31]. Все вышеназванные характеристики определяют категорию «правосубъектность» депутата как выборного лица.

В современных политических условиях, как на законодательном уровне, так и в научных исследованиях, мало обращено внимание на одну из основных ключевых характеристик депутата — ответственность. По мнению Явича Л. С., ответственность депутата это «узконормативный подход к праву вообще» [10, с. 109], т. е., по его мнению, такой элемент как ответственность относится к объективному праву и не может корреспондироваться к частным статусам, к которым относится депутат. Возникает вопрос, если лицо или орган имеют права и производные от них обязанности, то третьим элементом должна стать ответственность. Советская система права в обязательном порядке статуса депутата включала в себя ответственность, которая, обычно выходила

на первый план и была связана с невыполнением или ненадлежащим выполнением (например невыполнение наказов избирателей) своих обязанностей. Ответственность депутата реализовалась через институт отзыва, который был наиболее действенный с позиции права и морали — институт принуждения депутата действовать в интересах народа, выступал некой юридической гарантией народа в отношении выбранного им депутата.

Таким образом, с сожалением приходится констатировать, что в науке и практической деятельности на федеральном уровне еще не существует точное определение понятия «депутат законодательного (представительного) органа субъекта РФ», нет и нормативного закрепления «статуса депутата», не дается его характеристика в законе. Все трактовки понятия «депутат» в основном сводятся к двум основным подходам:

1. Законотворческий, т. е. депутат связан с такими характеристиками как выборность; осуществление деятельности в интересах лиц, проживающих на соответствующей территории; компетенция и полномочия.

2. Общетеоретический — ориентированный на изучение разнообразных элементов правового статуса депутата представительного органа власти, а также научные споры в отношении этих элементов.

Обобщая два подхода, выскажу свою позицию на понятие «депутат законодательного (представительного) органа власти субъекта РФ», под которым понимается выбранное населением данного региона, на всеобщих, равных условиях при тайном голосовании выборах, проводимых в субъекте РФ, и наделенного соответствующей компетенцией и полномочиями, для представления интересов населения региона. Также добавлю, что помимо юридической составляющей «понятия» депутат, в характеристике данного понятия должна быть и социальная составляющая, которая не учитывается в законах, но учитывается во взглядах общества, а именно любой депутат получает доверие от выбравшего населения, по своим деловым, личным, политическим, моральным качествам, таким образом, депутат — это «высший эталон», отражающий суть людей, его избирающих.

Литература:

1. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 17 июня 2002 г. № 24 ст. 2253
2. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. 5-е изд., изм. и доп. — М.: НОРМА, 2005.
3. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 9 мая 1994 г. № 2 ст. 74
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 40 ст. 3822.
5. Садовникова Г. Д. Законодательные органы субъектов Российской Федерации: проблемы формирования и реализации представительной функции // ЖУРНАЛ LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). № 1 (122), 2017. — С. 60–73.

6. Лебедев Владимир Владимирович. Правовой статус депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации: на примере субъектов Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа: автореферат дис... кандидата юридических наук, 2007. — 30 с.
7. Захаров Илья Викторович. Правовой статус депутата представительного органа местного самоуправления (Проблемы теории и практики): Дис... канд. юрид. наук: 12.00.02: Екатеринбург, 2001
8. Конституция РФ: энциклопедический словарь / Под ред. Шахрая СМ. М., 2021.
9. Авакьян С. А. Депутат: статус и деятельность. М., 1991.
10. Явич Л. С. Сущность права. — М., 1985.

Дистанционное электронное голосование в Российской Федерации

Наумова Наталья Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент;

Арутюнян Артур Мартуниевич, студент;

Балыгин Михаил Константинович, студент;

Помиркованый Петр Дмитриевич, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимирский филиал

*Статья рассматривает сущность, принципы и современное состояние дистанционного электронного голосования в России. Проанализировано нормативно-правовое регулирование дистанционного электронного голосования. В рамках статьи изучен порядок дистанционного голосования в Российской Федерации на примере проведения выборов депутатов в Государственную Думу России. Рассмотрен зарубежный опыт применения дистанционного голосования. Выявлена проблематика, связанная с системой внедрения дистанционного голосования, предложен ряд решений данных проблем. **Ключевые слова:** дистанционное электронное голосование, избирательный процесс, выборы, информационные технологии, электронная демократия, избирательное право.*

Научно-техническая революция сильно повлияла на жизнь общества, в том числе и на такую сферу, как избирательный процесс. Соответственно, в России политическая сфера жизнедеятельности общества не является исключением. Как отмечают Сбитнев В. С. и Ладиков Я. С., в политическую сферу информационно-коммуникационные технологии стали внедряться еще в начале 2000-х годов. Это заключается в том, что такие технологии использовались изначально политиками для того, чтобы проводить агитацию в рамках предвыборных кампаний. Кроме того, стоит отметить, что информационно-коммуникационные технологии применялись в процессах подсчетов голосов, процессах наблюдений за ходом выборов, а также для того, чтобы информация об итогах голосования распространялась значительно быстрее [4].

В связи с этим, необходимо отметить, что, если изначально дистанционное голосование интерпретировалось как способ реализации прозрачности, транспарентности выборов, а также избирательных процедур. Также это был тот механизм, который обеспечивал удобство при процедуре проведения голосования. Сейчас же, на современном этапе развития избирательного права и избирательного процесса дистанционное электронное голосование понимается как способ выражения позиций населения в рамках существующего демократического общества. То есть, сама сущность дистанционного голосования трансформировалась и приобрела новую интер-

претацию как в практике России, так и в практике зарубежных стран.

Представляется необходимым рассмотреть понятие «дистанционное электронное голосование» с точки зрения российского законодательства. Данное определение отражено в Федеральном законе от 12.06.2002 N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и подразумевает под собой голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, но с использованием специального программного обеспечения [1].

Необходимо рассмотреть дистанционное электронное голосование на примере проведения выборов депутатов Государственной Думы России, которое проводилось в сентябре 2021 года. Данную процедуру регламентирует соответствующее Постановление ЦИК России от 20.07.2021 N 26/225–8 [2]. Программное обеспечение установлено на программно-техническом комплексе дистанционного электронного голосования, именуемое ПТК ДЭГ. Размещено на специальном портале в сети Интернет. Участие в таком голосовании можно было принять тому гражданину, который обладает активным избирательным правом, зарегистрирован по месту жительства в субъекте, где проходит дистанционное голосование, а также который обладает подтвержденной учетной записью на портале государственных и муниципальных услуг ЕПГУ.

Вариант дистанционного электронного голосования был реализован в 7 субъектах России. Это Мурманская, Курская, Нижегородская, Ярославская и Ростовская области, а также города федерального значения Севастополь и Москва.

Так, по данным председателя территориального избиркома дистанционного электронного голосования (далее — ДЭГ) Ильи Массуха, в регионах в онлайн-голосовании приняли участие 587 249 человек, явка составила 92,4%. Это обычная для электронного голосования явка, отметил Массух. Всего в 6 регионах, где была доступна опция дистанционного голосования, зарегистрировано порядка 8,52 млн избирателей.

Важно указать, что платформа была разработана компанией «Ростелеком» по заданию Центральной избирательной комиссии (далее — ЦИК). Финансирование работ по указанным контрактам осуществляется в пределах бюджетных ассигнований, выделенных ЦИК России на реализацию результатов федерального проекта «Цифровое государственное управление» национального проекта «Цифровая экономика РФ» по предоставлению цифровых сервисов для участников избирательного процесса.

Субъектами процесса дистанционного электронного голосования являются следующие:

- Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России. Является оператором ЕСИА, а также единого портала государственных и муниципальных услуг. То есть, гражданин на портале подает заявление на участие в дистанционном голосовании, а ЕСИА — это система идентификации и аутентификации участника голосования, которая является внешней по отношению к нему;
- Центральная избирательная комиссия. Это регистратор. По сути, занимается осуществлением обработки тех заявлений голосования;
- территориальная избирательная комиссия дистанционного голосования. Является непосредственно организатором голосования. К примеру, осуществляет запуск подсчета голосов, запускает и останавливает процесс голосования, также генерирует ключевые пары и занимается разделением первого ключа шифрования бюллетеня между держателями частей ключа;
- участник, который наблюдает за процессом дистанционного голосования в специальном отведенном на то помещении, которое оснащено средствами доступа к отдельным узлам компонента «Распределенное хранение и учет голосов» — внутренний наблюдатель;
- также есть и внешний наблюдатель. Он может наблюдать за голосованием на самом портале, может получить выгрузку транзакций из сети блокчейн (блокчейн — это выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков, содержащих информацию).

Следует отметить, что государство в лице органов власти активно вовлекало население, а точнее избирателей на дистанционное электронное голосование в 2021 году, в том числе в средствах массовой информации и в социальных сетях. И здесь следует сделать вывод о том, что в таком формате можно вовлечь как можно больше избирателей в избирательный процесс. Так, к примеру, в Москве для жителей города, которые участвовали в выборах 17–19 сентября 2021 года, был проведен розыгрыш квартир среди участников дистанционного голосования.

В качестве зарубежного опыта внедрения ДЭГ представляется необходимым привести Эстонию, которая является одной из лидирующих стран в мире в данной сфере [5]. В Эстонии технологии дистанционного голосования были внедрены на муниципальных выборах еще в 2005 году. На парламентских выборах такая технология была применена в 2007 году. Суть дистанционного голосования в Эстонии состоит в следующем. Каждый избиратель, даже находящийся за рубежом, подтверждает свою личность Ю-картой (действует в стране как удостоверение личности) и голосует на «электронном участке», который открывается за 4–5 дней до конца выборов. У гражданина до финального дня есть право изменить свое мнение и переголосовать [3]. Опыт Эстонии по праву можно считать успешным, так как внедренная система удобна, а процент тех избирателей, которые голосуют на выборах, растет ежегодно.

Например, в Норвегии с 2008 года разрабатывается система дистанционного голосования. Впервые она была использована на всеобщих выборах 2011 года, а в 2013 году отдельной группе избирателей, экспериментально, было разрешено голосовать через Интернет во время предварительного голосования. Но в больших масштабах система еще не используется на выборах, так как вопрос тайны голосования и защиты от внешних и внутренних угроз оставались открытыми до конца.

Безусловно, у дистанционного голосования есть преимущества. Среди них стоит отметить, что при применении электронного голосования избиратели могут отдавать свои голоса независимо от того, где они находятся в данный момент времени. Представляется, что это значительно может поднять политическую, избирательную активность населения с помощью волеизъявления. Соответственно, электоральный уровень активности граждан будет повышаться с каждым выборами, где будет предусмотрена возможность ДЭГ.

Не менее важным преимуществом дистанционного электронного голосования является то, что с помощью информационно-коммуникационных технологий, технологий блокчейна в рамках системы дистанционного голосования возможен более ускоренный процесс подведения результатов выборов.

Еще один плюс активного внедрения ДЭГ в России — экономия бюджетных средств. Это заключается в том, что таким образом предоставляется возможность избежать некоторых издержек в части расходов относительно

финансирования выборов. Так, это позволит сократить издержки на печатные статьи расходов — распечатка различных методических материалов, буклетов, плакатов, бюллетеней; сократятся расходы на оплату работы членов избирательной комиссии; кроме того, произойдет сокращение затрат на техническое оснащение в пределах избирательной комиссии.

Следует обратить внимание и на то, что идея дистанционного электронного голосования обсуждалась еще в 2015 году непосредственно перед президентскими выборами в 2018 году. Тогда Председатель Центральной избирательной комиссии Чуров В. Е. высказывался о том, что внедрение дистанционного голосования могло бы, по его словам, «сэкономить приблизительно 50% отведенных на проведение выборов средств» [6]. Но стоит отметить, что такая идея так и не была претворена в систему российских выборов.

Как отмечалось ранее, у ДЭГ есть положительные элементы. Но необходимо сказать и о недостатках рассматриваемой темы. К примеру, проблема внедрения дистанционного голосования в юридическом плане самым тесным образом связана с несовершенством информационно-коммуникационных технологий на современном этапе их развития и внедрения. Это заключается в том, что существует очень большая вероятность технических неполадок, компьютерных сбоев случайного характера, так и неполадки преднамеренного характера. Возможно цель осуществления таких сбоев — это фальсификация результатов выборов, а также срыв процедур выборов.

По нашему мнению, в Российской Федерации данная проблема является в достаточной степени актуальной в связи с тем, что государство самостоятельно не производит ту технику, которая применяется в процессе выборов. Поэтому всегда остается высокая вероятность хакерских атак, появления вирусов на компьютерах, а также других неполадок технического, преднамеренного характера, которые могут поставить под сомнение саму легитимность выборов. При проведении дистанционного электронного голосования невозможно на все 100 процентов защитить выборы от таких вещей.

В Российской Федерации первые шаги для автоматизации процедуры выборов были предприняты в начале 2000-х годов — введена система ГАС «Выборы». Стоит отметить, что она являлась не системой электронного голосования. Но в то же время она поспособствовала осуществлению института прямой демократии, а также трансформации избирательного процесса. Это произошло в 2003–2004 гг. На портал этой системы было совершено около 1800 кибератак. По мнению Вешнякова А. А., Председателя ЦИК в тот период времени, примерно 20% их данных кибератак совершались из-за рубежа, но удачей они не увенчались. Тогда мы можем предположить, какой угрозой для демократии будет вся система электронного

голосования через развитие технологий и возможностей взлома. Наконец, кроме как с помощью компьютерных систем, будет невозможно проверить результаты выборов, а это значит, что процедура обжалования результатов выборов будет сложной.

Также одной из проблем дистанционного электронного голосования является невозможность исключения нарушения конфиденциальности. Как известно, один из принципов избирательного права — это тайное голосование. То есть, система в компьютере хранит все данные о том избирателе, который непосредственно принял участие в выборах, проголосовал. Соответственно, эти данные могут быть использованы против этого человека как противоправный способ.

Существует и ряд других проблем, представляющих барьеры для эффективного внедрения и работы дистанционного электронного голосования, но вышеперечисленные аспекты являются самыми актуальными.

В связи с этим, решение таких проблем состоит в следующем. Основная цель — это обеспечить состояние защищенности системы дистанционного электронного голосования. Для этого необходимо иметь высококвалифицированных специалистов в этой сфере, способных обеспечить основные принципы избирательного права, применимые для создания электронного голосования: секретность, независимость, безопасность, удобство и практичность. В российских вузах должна быть введена отдельная специальность по подготовке специалистов или расширена специальность «Информационная безопасность», по окончании которой молодые специалисты могли бы оказать техническую поддержку процессу голосования, подсчету и обработке голосов, передаче результатов в систему ГАС «Выборы», а также последующему хранению информации. Все это необходимо для обеспечения реализации основных принципов избирательного законодательства и прав избирателей.

Констатируя вышесказанное, отметим, что необходимо на законодательном уровне закрепить и обосновать систему внедрения и функционирования дистанционного электронного голосования, которая находится на пути становления. Несмотря на то, что практика дистанционного электронного голосования подвергается критике представителей юридического и политического сообществ, информационно-коммуникационные технологии активно завоевывают свое место в современном мире, в том числе и в России. Цель дистанционного электронного голосования заключается в упрощении процедур выборов, сокращении затрат на различные статьи расходов на выборах, а также, что немаловажно, — в демократизации избирательного процесса. Для этого важно опираться на успешный и сформировавшийся зарубежный опыт внедрения такой системы на выборах. Это повысит интерес граждан к политическим процессам, происходящим в стране.

Литература:

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 года N 67-ФЗ // Российская газета. — 2002. — 15 июня.
2. О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года: Постановление ЦИК России от 20.07.2021 N 26/225-8 (ред. от 03.09.2021): сайт Центральной избирательной комиссии [Электронный ресурс]. 2021. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/49826/> (дата обращения: 14.11.2021).
3. Босова Е. Н., Реут Д. А. Дистанционное электронное голосование: поиск законодательного оформления / Е. Н. Босова, Д. А. Реут // Правоприменение. — 2019. — № 3. — С. 53–62.
4. Савченко М. С. Правовое регулирование и практика электронного голосования в зарубежных странах / М. С. Савченко, В. А. Кадлец // Научный журнал КубГАУ. — 2016. — № 117 (3). — С. 1–13.
5. Сбитнев В. С., Ладиков Я. С. Электронное голосование в Российской Федерации: проблемы и перспективы / В. С. Сбитнев, Я. С. Ладиков // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 6. — С. 106–116.
6. Владимир Чуров считает возможным проведение интернет-голосования уже в 2018 году: сайт газеты «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2769010> (дата обращения: 14.11.2021).

Приоритеты национальной безопасности современной России

Наумова Наталья Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент;

Куракина Виктория Дмитриевна, студент;

Рябова Софья Владимировна, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимирский филиал

В статье раскрыты основные приоритеты национальной безопасности современной России. Проанализированы нормативные правовые акты, регламентирующие основные направления национальной безопасности. Прослеживается взаимосвязь концепции национальной безопасности и национальных проектов.

Ключевые слова: национальная безопасность, национальные проекты, национальные приоритеты России.

Отправная точка для понимания безопасности как явления получила свое развитие более 130 лет назад в толковом словаре В. И. Даля, где «безопасность» толкуется как «отсутствие опасности, безопасность, надежность» [2]. Позднее С. И. Ожегов определяет безопасность как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности» [3]. В этих формах безопасность понимается в самом общем виде, независимо от отдельных объектов, социальных, биологических и других систем. В основном это сводится к защите различных объектов, живых существ от различных факторов, которые представляют опасность или угрозу их существованию. Данную безопасность можно охарактеризовать как «защитную», т. е. она имеет случай и способность сохранять, защищать себя.

Безопасность человеческого социума, а также отдельной страны является прямым проявлением и отражением социальной безопасности, как явления. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации подчеркивается, что национальная безопасность страны — это «безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации». В этом контексте социальную безопасность человеческого со-

циума и конкретной страны правомерно называть национальной безопасностью.

Национальная безопасность характеризует степень защищенности государственных интересов от опасностей и угроз, их соотношение между уровнем защиты национальных интересов, мерой опасностей и угрозами, нависшими над ними. Принимая во внимание понимание национальных интересов, стоящих перед ними опасностей и угроз, их соотношения, можно определить, что национальная безопасность — это явление, которое формируется в результате диалектического взаимодействия, с одной стороны, национальных интересов и опасностей, и угроз им с другой. Суть национальной безопасности выражается в том, что нет непосредственной, вполне конкретной опасности для национальных интересов в конкретный период времени. Он выражает способность общества и государства прогнозировать реальные и вероятные опасности и угрозы национальным интересам, своевременно реагировать на них, разумно откликаться и предвидеть действия разрушительных сил.

Таким образом, обеспечение национальной безопасности реализуется: во-первых, созданием и функционированием системы противодействия угрозам и опасностям; во-вторых, созданием и аккумуляцией

ресурсов и их использованием для реализации национальных интересов, существования и прогрессивного развития страны; в-третьих, активностью и постоянным развитием системы национальной безопасности, ее способностью своевременно перестраиваться в соответствии с современной обстановкой, выявлять и нейтрализовать опасности и угрозы национальным интересам.

На сегодняшний день важным вопросом является обеспечение национальной безопасности России, которая представляет собой защиту личности, общества и государства в целом от различных угроз. Это могут быть, как внешние, так и внутренние угрозы. При защите должны обеспечиваться и реализовываться конституционные права и свободы граждан Российской Федерации. К ним относятся: достойный уровень жизни, устойчивость социальной и экономической сферы жизни общества, суверенитет, а также независимость и целостность государства.

Российская Федерация имеет стратегию национальной безопасности, которая основывается на прочной связи национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития государства. Правовую основу настоящей Стратегии составляют Конституция Российской Федерации (с учетом конституционных поправок — ст. 71, ст. 72, и др.) [1], федеральные законы: «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ [4] и «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ [5], другие законные и подзаконные правовые акты (Указы Президента Российской Федерации, Постановления Правительства).

Обеспечение и защита национальных интересов Российской Федерации реализуются путем объединения ресурсов органов государственной власти, организаций и институтов гражданского общества для обеспечения стратегических национальных приоритетов, к которым относятся:

1) *Сбережение народа России и развитие человеческого потенциала.* Это выражается в стремлении к повышению качества жизни и благосостояния населения, путем осуществления определенных задач: повышение качества социальных услуг, доступность медицины, повышение рождаемости, выявление и развитие способностей и талантов у молодого поколения, развитие жилищно-коммунальной инфраструктуры, создание комфортной среды для проживания всех граждан на территории Российской Федерации и многое другое.

2) *Оборона страны* представляет собой правовые взаимосвязи международных отношений, нацеленных на защиту целостности государства, а также достижения поставленных геополитических целей. При этом реализуются следующие задачи: своевременное предотвращение военных угроз, поддержание и развитие боевого обеспечения, готовность к боевому применению вооруженных сил, а главное патриотическое воспитание молодых граждан, улучшение условий военной службы и т. д.

3) *Государственная и общественная безопасность.* Данный национальный приоритет направлен на повы-

шение роли государства как главного ответственного лица за безопасность личности, а также способствование качественной работы правоохранительных органов по защите конституционного строя Российской Федерации.

4) *Информационная безопасность* связана с развитием безопасного информационного пространства, которое защищено от разного рода вмешательства, а также укреплением суверенитета Российской Федерации в этом пространстве.

5) *Экономическая безопасность.* Российская экономика стремится развиваться по современным технологиям, в условиях продолжающейся структурной перестройки мировой экономики. Используя факторы, которые создают позитивные условия для модернизации экономики и развития промышленного потенциала России.

6) *Научно-технологическое развитие* является основным фактором в повышении конкурентоспособности и ускорении развития жизни человека, которая отражается в ее качестве, достижении высоких темпов социального и экономического развития, переработки природных ресурсов, созданию новых образцов вооружения, новых рынков товаров и услуг.

7) *Экологическая безопасность и рациональное природопользование* заключается в охране окружающей среды, сохранении и рациональном использовании природных ископаемых государства, адаптации к постоянно изменяющимся условиям климата и природным катаклизмам, усиление государственного надзора и контроля в сфере охраны окружающей среды.

8) *Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти* Данный приоритет необходим для укрепления культурного суверенитета Российской Федерации, повышении роли России в образовательных программах (например, патриотическое воспитание граждан!), связанное с разгоранием межнациональных и межконфессиональных конфликтов, нарастанием проявления агрессивного национализма, ксенофобии, религиозного экстремизма и терроризма.

9) *Стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.* Из-за ускоренного мирового развития, создания новых правил и принципов устройства мира возникают межгосударственные конфликты и противоречия, которые сопровождаются геополитической нестабильностью. При этом реализуются следующие задачи: налаживание, сотрудничество с такими государствами, как СНГ, Республика Абхазии и Южной Осетии, а также развитие взаимоотношений по поводу стратегического обеспечения КНР, нарастание значимости российской федерации в миротворческой деятельности и государство должно гарантировать защиту граждан РФ за рубежом, содействие с иностранными государствами в области охраны окружающей среды и оказание помощи в борьбе с последствиями с чрезвычайными ситуациями.

Обеспечение национальной безопасности России достигается путем выполнения поставленных задач, указанных в приоритетах, закрепленных в Указе Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ» [6].

Кроме того, главные приоритеты (особенности) национальной безопасности внутри страны — это эффективное управление и реализация национальных проектов, таких как Демография, Наука, Культура, Образование. 7 мая 2018 года Президент России Владимир Путин подписал устанавливающий и утверждающий национальные проекты России Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [7].

Национальные проекты направлены на обеспечение прорывного научно-технологического и социально-эко-

номического развития России, повышения уровня жизни, создания условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека. Национальные проекты в 2020 году заработали в полную силу и начали показывать заметные результаты. Существующие национальные проекты, которые помогают выстроить взаимоотношения с другими странами и имеют направленность на решения глобальных проблем. Достижение поставленных целей и решение задач, охватывающих интересы всей страны, возможно, осуществить только комплексно, системно, в диалоге, как один из важных векторов обеспечения национальной безопасности.

Констатируя вышесказанное, стоит отметить, что Россия, как и любые другие государства, ставит перед собой главную задачу — это поддержание и сохранение своей национальной безопасности на должном уровне.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.] (ред. от 04.07.2020 г.) // Российская газета. — 2020. — № 144
2. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон, 28 июня 2014 г., N 172-ФЗ// Российская газета. — 2014. — № 146.
3. О безопасности: федеральный закон, 28 дек. 2010 г., N 390-ФЗ// Российская газета. — 2010. — № 295.
4. О Стратегии национальной безопасности РФ: указ Президента РФ, 02 июля 2021 г., № 400// Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 27. — ст. 5351.
5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ Президента РФ, 07 мая 2018 г., № 204// Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 20. — ст. 2817.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. — 26-е изд., испр. и доп. — М.: Оникс [и др.], 2009. — 1359 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В. И. Даль; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ. — М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. — 700 с.

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Местное самоуправление в политической системе современной России: состояние и проблемы функционирования

Иванов Игорь Андреевич, студент магистратуры
Московский университет имени С.Ю. Витте

Местное самоуправление — один из основных конституционных институтов государственности России. Вполне очевидно, что без развитого механизма местного самоуправления на огромных просторах Российской Федерации невозможно осуществлять эффективное управление государственными и общественными делами. Именно поэтому, его признание, гарантирование является императивом современного государства, приверженного верховенству права.

Говоря о специфике данного феномена, стоит отметить, что, местное самоуправление находится на стыке публично-властных отношений, выходящих на уровень государственной организации общества, и автономной самоорганизации населения в системе отношений, образующих гражданское общество. Так, именно через местное самоуправление публичная власть в максимальной степени приближается непосредственно к человеку, а ассоциативные формы публично-территориального взаимодействия людей по месту жительства возвышаются до роли общезначимых институтов участия в управлении делами государства и общества. Вместе с тем муниципальные интересы провозглашаются не как подчиненные государственным интересам, а как самостоятельные, но с учетом общих положений государственной власти.

Местное самоуправление служит важным проявлением децентрализации власти и собственности, обеспечивает реализацию прав и свобод личности по месту жительства. Это базовый публично-территориальный уровень, на котором формируется и осуществляется социальное и политическое достоинство личности, воспитываются чувства гражданственности и патриотизма, инициативности и предприимчивости в сочетании с социальной ответственностью и приверженностью общему благу. Во многом именно с развитием муниципальных институтов народовластия на современном этапе связаны перспективы повышения качества публичного управления, формирования и реализации пространственного и социально-экономического развития России, осуществляемого непосредственно населением. Единство с интересами населения, открытость, демократизм, оперативность реагирования на нужды местных жителей, которые наиболее осведомлены о состоянии дел в своем городе,

районе, селе, поселке и имеют прямой интерес в их наилучшем обустройстве, наконец, неполитизированный характер вопросов местного значения — вот минимальные предпосылки, позволяющие видеть в местном самоуправлении возможности преодоления тех негативных тенденций, которые обобщенно могут быть определены как бюрократический кризис современного государства.

Тем не менее, местное самоуправление, имея универсальные признаки, при этом характеризуется специфическими национальными особенностями; оно обусловлено политико-правовыми, экономическими, культурными, религиозными и иными факторами, общегосударственными, региональными, местными традициями. Исследование нормативно-правовых основ местного самоуправления, реальной практики его функционирования в конкретном историческом контексте — необходимое условие формирования эффективной муниципальной демократии, всей системы публичного управления.

Стоит сказать, сегодня российское местное самоуправление — один из наиболее динамично и стремительно развивающихся публичных институтов. С одной стороны, такой динамизм носит объективный характер, связан с понятными трудностями воплощения в жизнь новой, закрепленной в Конституции РФ 1993 г. модели местного самоуправления, основанной на его самостоятельности, организационной обособленности от системы органов государственной власти. С другой стороны, ставшее уже почти перманентным на протяжении последних двух десятилетий реформирование местного самоуправления отражает политическое значение этого института, придаваемое ему в конкретных условиях со стороны федеральной власти в свете реализации актуальных задач государственного строительства, формирования партийной и избирательной систем, осуществления региональной политики и т. п.

С точки зрения социально-политических оценок местное самоуправление имеет различные характеристики. Так, в документах Российской Федерации, имеющих во многом стратегическое, политико-правовое значение, оно определяется важнейшим элементом становления демократической России, с его развитием связываются воз-

возможности России «совершить рывок, найти грамотные кадры для проведения крупных прогрессивных преобразований». В итоговом документе Всероссийского Съезда муниципальных образований (Суздаль, 8 ноября 2013 г.) «Основные направления развития механизмов местного самоуправления в Российской Федерации на среднесрочный период» создание основ системы местного самоуправления в Российской Федерации рассматривается как «одно из важнейших достижений демократических реформ конца XX века».

В настоящее время Россия находится на очередном и масштабном этапе преобразований в муниципальной сфере. Изменения, внесенные в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в мае 2014 г., имеют концептуальный характер для дальнейшего развития местного самоуправления и его взаимоотношений с государством. Были уточнены общие принципы организации местного самоуправления в части расширения возможностей субъектов РФ влиять на компетенционную основу и территориальную организацию муниципальной власти, порядок формирования и взаимоотношения органов местного самоуправления. Практика реализации реформы продемонстрировала, что необходимый баланс местных и государственных интересов выдерживается не всегда, цели обеспечения единства управления порой преобладают, а местное самоуправление порой рассматривается в роли агента государственно-политических задач. Постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П известным образом скорректировало отдельные направления муниципальной реформы, обозначило современные перспективы в осмыслении и реализации российской конституционной модели муниципальной демократии.

В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации были внесены самые крупные и масштабные за все время действия (с 1993 г.) изменения и дополнения. Следует сказать, что существенное место в этих новациях отведено институту местного самоуправления, который претерпел очередную кардинальную трансформацию. Это показатель того, что органы местного самоуправления пока не находят оптимального и эффективного варианта взаимодействия с федеральными и региональными уровнями публичной власти, которых, в отличие от местного самоуправления, не коснулись проводимые изменения.

Так, новыми конституционными поправками был сформулирован обновленный вариант статуса местного самоуправления. Вектор изменений преимущественно направлен на более близкое взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления, имея в виду, прежде всего, называя вещи своими именами, предоставления органам государственной власти более широких властных полномочий на деятельность местного самоуправления. Обоснование этому заключается прежде всего в том, что органы местного самоуправления, не имея достаточного финансирования и при недостатке управленческих кадров, не в состоянии

самостоятельно решать вопросы местного значения, предусмотренные ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Так, фактически органы государственной власти (в первую очередь субъекты Федерации) берут на свой контроль разрешение наиболее сложных и существенных проблем, хотя формально органы местного самоуправления остаются самостоятельными. Вместе с тем, стоит признать, что эта самостоятельность, когда муниципальные образования получают дотации из региональных бюджетов, предельно формальна и относительна.

Несмотря на то, что местное самоуправление в России является одной из основ конституционного строя и уже существует около 30 лет, в законодательстве, по-прежнему присутствуют правовые пробелы и коллизии. Процесс становления данного института проходит тяжело и проблематично, с периодическими отклонениями от вектора заданного направления, сталкиваясь на своем пути с разными трудностями. Это неудивительно, поскольку в силу исторических причин процесс формирования и развития системы местного самоуправления в современной России всегда отличался высокой степенью хаотичности и стихийности.

Основными трудностями являются: несовершенство российского законодательства, отсутствие демократических традиций в обществе, низкая правовая и политическая культура общества, намеренное противодействие прогрессированию института местного самоуправления со стороны властей Российской Федерации, недостаточное финансирование и многие другие факторы.

В. Н. Лексин в своём труде «Местное самоуправление и местная власть в современной России» рассматривает следующие противоречия:

а) между декларированным Конституцией РФ не вхождением органов местного самоуправления в систему государственной власти и фактическим исполнением этими органами исключительно государственных социальных и иных обязательств перед гражданами;

б) между равной наделённостью всех органов местного самоуправления номинальными объемами компетенции и полномочий и их неодинаковой реальной востребованностью в муниципальных образованиях разного типа (например, в городе — миллионнике и в сельском населенном пункте);

в) между объемом функций, возложенных на органы местного самоуправления федеральными и региональными законами, и фактическими ресурсными возможностями (финансовыми, материальными, организационными, кадровыми) выполнения этих функций;

г) между теоретическими представлениями о местном самоуправлении как о наиболее полном воплощении непосредственно народной власти и фактически проявленным безразличием населения к реализации подлинной идеи местного самоуправления, сведенной на практике преимущественно к задаче приближения назначаемых исполнительных структур местной власти к жителям населенных пунктов.

Существует точка зрения, согласно которой, в современной России система местного самоуправления (так и не развившись в полноценную систему) с 2000-х годов начинает сворачиваться под давлением федеральной и региональной государственной власти при высокой пассивности и безразличии граждан. Возникшие в ходе становления и дальнейшего развития местного самоуправления проблемы требуют осмысления, глубокого научного анализа, на основе которого могут быть разработаны формы и методы дальнейшего проведения реформы.

Итак, остановимся, на наш взгляд, на наиболее острых и существенных проблемах, возникающих в данной сфере.

Во-первых, существует определенная размытость правового положения структур местного самоуправления в российской политической системе. С одной стороны, местное самоуправление выступает в качестве самостоятельного конституционного института, отделенного от государственной системы власти. С другой стороны — оно находится в полном подчинении государства, регулируется его законами и многочисленными нормативными актами. Оно не вписано в вертикаль власти юридически, но в финансово-экономическом отношении именно в этой вертикали и находится. Именно поэтому, была попытка скорректировать конституционные положения в части местного самоуправления, поскольку они не обеспечивают и не способствуют эффективному управлению на местах.

Другая насущная проблема, выделяемая экспертами — неоправданно осуществляемая и даже навязываемая политизация муниципальной власти. Ее главное предназначение — это социальное обслуживание населения, однако она все чаще отходит на второй план, когда вокруг разворачивается межпартийная борьба.

В-третьих, и, наверно, одна из более острых современных проблем — это слабость финансово-экономической основы муниципальных образований. Общеизвестным является факт, что у них недостаточно средств для эффективной деятельности и исполнения своих функциональных обязанностей. Так, по мнению А. И. Гретченко, недостаток финансов следствие государственной политики, направленной на укрепление вертикали власти. В результате были значительно сокращены доли отчислений от налогов в местные бюджеты. По итогу это привело к тому, что такой важный рычаг власти, как ресурсы, оказался сосредоточен в руках региональных властей и зависимых от них руководителей муниципальных образований (районов). Городские же власти оказались лишены стимулов и возможностей эффективного управления. А это, в свою очередь, лишило население мотивации активно участвовать в самоуправлении. У большинства населения отсутствует понимание сути местного самоуправления и потребности участия в его осуществлении. Переломить данную ситуацию невозможно без серьезных политических решений государства в пользу финансово-экономического обеспечения системы местного самоуправления.

Четвертая проблема, как уже было отмечено, отчасти вытекает из предыдущей, это низкий уровень общественной активности граждан и неразвитость самостоятельных организаций, что существенно замедляет процесс вовлечения широких масс населения в самоуправленческую деятельность. В последние годы наблюдается некоторое повышение социальной активности населения, однако это оно носит скорее единичный, чем общий характер.

Исторический опыт иллюстрирует то, что только убежденность граждан в результативности своего политического участия, только их вера в наличие прямой ответственности власти перед населением способны действительно разбудить и активизировать российское общество, в том числе на уровне местного самоуправления. Именно с развитием местного самоуправления в России связываются надежды на становление и укрепление демократического гражданского общества, формирование чувства общего интереса и самоответственности местных жителей за состояние местных дел. Население привыкает не только к различным формам общественной само — организации, но и к различным способам и формам самостоятельного решения вопросов местного значения, контроля деятельности избранных должностных лиц.

Подводя итог, следует сказать, что местное самоуправление в политической системе может стать ее эффективным институтом, если в демократическом и гражданском смысле вырастет из процесса гражданской заинтересованности, ответственности и солидарности, активно участвующих в решении вопросов местного значения различных групп и корпоративных объединений жителей, а это процесс достаточно длительный.

В-пятых, причины неэффективности местного самоуправления, на наш взгляд, заключаются не только в несовершенстве финансово-экономической системы муниципальных образований, но и, в частности, в проблемах с кадрами. На сегодняшний день муниципальной службе необходимы современные, динамичные и ответственные специалисты, которые будут готовы посвятить себя службе обществу и государству. Каждый год задачи, поставленные местному самоуправлению, усложняются и требуют свежего взгляда: нужен современный кадровый потенциал, готовый быстро и качественно реагировать на запрос муниципального образования. Говоря о совершенствовании местного самоуправления, мы подразумеваем повышение актуальности проблемы кадрового обеспечения, совершенствование профессионализма работников местного самоуправления. Острый дефицит квалифицированных муниципальных служащих, умеющих грамотно разбираться в различных отраслях законодательства, делает муниципальное управление слабым звеном публичной власти России.

Таким образом, приходится констатировать, что как в теории, так и в правоприменительной практике существует огромное количество насущных и нерешенных проблем. Они порождены, прежде всего, стремительным характером формирования и развития си-

стемы местного самоуправления в России, когда нормы и институты зачастую появляются не результате органического движения снизу, а по итогу инициативы сверху, и при этом чаще всего нормы выражены в самом общем виде, без учета ряда объективных и субъективных факторов.

Очевидно, что современное российское местное самоуправление осуществляет свою деятельность и накапливает опыт как самостоятельный институт, но все же нуждается в дальнейшем развитии и улучшении. Определенные меры как со-

здание необходимого курса развития местного самоуправления;

- повышение уровня участия граждан в осуществлении местного самоуправления;
- предоставление органам местного самоуправления большей компетенции по вопросам, относящимся к их сфере ведения;
- обеспечение высококвалифицированными кадрами местное самоуправление;
- увеличение финансовой и организационной самостоятельности муниципалитетов;

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 02.03.2007 N 25-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О муниципальной службе в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 05.03.2007, N 10, ст. 1152.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2021) // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003, N 40, ст. 3822.
4. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета, N 271, 01.12.2010.
5. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета, N 282, 13.12.2013 // Российская газета, N 282, 13.12.2013.
6. Антипов, К. А. Местное самоуправление в современной России: социально-политические тенденции / К. А. Антипов // Власть и управление на Востоке России. — 2011. — № 4 (57). — С. 137–143. — С. 137.
7. Бондарь, Н. С. Местное самоуправление: учебник для вузов / Н. С. Бондарь [и др.]; под редакцией Н. С. Бондаря. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 386 с. — с. 11.
8. Долгова, Г. Н. Политические проблемы местного самоуправления в современной России / Г. Н. Долгова // Власть. — 2012. — № 8. — С. 54–58.
9. Рязская Татьяна Владимировна, Жукова Мария Вячеславовна, Карлов Александр Николаевич. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-kadrovogo-obespecheniya-organov-mestnogo-samoupravleniya> (дата обращения: 20.10.2021).
10. Леонов Сергей Николаевич Структурные и финансовые аспекты реформирования местного самоуправления в России. 30 лет поиска // Известия БГУ. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-i-finansovye-aspekty-reformirovaniya-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii-30-let-poiska> (дата обращения: 20.10.2021).
11. Лось Л. В. Развитие местного самоуправления в России: Теоретические аспекты // Океанский менеджмент. 2021. № 3 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-mestnogo-samoupravleniya-v-rossii-teoreticheskie-aspekty> (дата обращения: 20.10.2021).
12. Майкова Э. Ю., Симонова Е. В. Проблемы функционирования и развития системы местного самоуправления в современной России // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2015. № 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-funktsionirovaniya-i-razvitiya-sistemy-mestnogo-samoupravleniya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 20.10.2021).
13. Московкина, Ю. Ю. Состояние и перспективы развития института местного самоуправления в современной России / Ю. Ю. Московкина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2019. — № 23 (261). — С. 582–583. — URL: <https://moluch.ru/archive/261/60153/> (дата обращения: 20.10.2021).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Некоторые проблемы социальной защиты военнослужащих и пути их решения

Соболев Александр Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Кирьянова Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Целью настоящего исследования является рассмотрение некоторых проблем социальной защиты военнослужащих. В нем приведены примеры дифференциации подхода к предоставлению льгот и компенсаций разным категориям военнослужащих. Проанализированы некоторые недостатки действующего законодательства, которые могут привести к серьезным социальным проблемам для военнослужащих, увольняющихся по состоянию здоровья. Предложены изменения в действующее законодательство в части, касающейся увольнения военнослужащих, признанных военно-врачебной комиссией ограниченно годными, которые могли бы способствовать решению проблемы социальной защищенности.

Ключевые слова: социальная защита, военная служба, военнослужащий, льготы и компенсации, накопительно-ипотечная система, военно-врачебная комиссия.

В настоящее время остро стоит проблема социальной защиты военнослужащих. Государство заботится о своих гражданах в целом, и о военнослужащих в частности, обеспечивая социальные гарантии и поддержку населения путем предоставления разного рода льгот, материального и иных видов обеспечения.

В 39 статье Конституции России [1] закреплено право граждан на обеспечение социального характера. Социальная защита — это комплекс мер, направленных на реализацию установленных государством гарантий, удовлетворение потребностей и поддержание жизнеобеспечения различных групп населения.

Социальная защита граждан, проходящих военную службу, а также членов их семей является функцией государства. Она закрепляет в нормативно-правовых актах права, компенсации и льготы, положенные разным категориям военнослужащих, а также правовой механизм по ее реализации.

В настоящее время можно отметить следующие элементы механизма социальной защиты:

- обязанности должностных лиц в данной сфере;
- юридическая ответственность органов государства и должностных лиц за нарушение прав военнослужащих.
- порядок и правила предоставления военнослужащим и их семьям компенсаций и льгот;
- материальные средства, предусмотренные бюджетом;

В соответствии с Конституцией Российской Федерации разработаны и приняты нормативно-правовые акты, регламентирующие предоставление льгот и компенсаций

военнослужащим. Основными являются федеральные законы: «О воинской обязанности и военной службе» [2], «О статусе военнослужащих» [3], «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» [4], «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» [5] (далее — Закон о денежном довольствии).

Граждане, состоящие на военной службе, сильно подвержены социальному риску в связи с тем, что продолжение военной службы непосредственно связано с риском для жизни и здоровья. Также в отношении военнослужащих законодательство установило ряд ограничений гражданских прав и свобод, обусловленных особенностями военной службы. Ограничения и возможные риски компенсируются большим объемом социальной защиты и разного рода льготами действующим военнослужащим, гражданам, уволенным с военной службы, а также членам их семей. «Главное содержание военно-социальной работы составляют вопросы создания достойных условий жизнедеятельности людей, прежде всего в области материально-бытовой, а также правовой и нравственной» [6, с. 100–104].

Система социального обеспечения военнослужащих включает в себя: жилищное и пенсионное обеспечение, медицинскую помощь, санаторно-курортное лечение, компенсации в связи с утратой трудоспособности, денежные выплаты членам семьи погибшего военнослужащего, ежемесячные надбавки за особые условия военной службы, компенсации за проезд к месту проведения отпуска, лечения или учебы и другие виды обеспечения.

Социальная защита военнослужащих направлена на повышение боевой готовности, эффективное исполнение должностных обязанностей, а также компенсирование многочисленных ограничений гражданских прав и свобод. Реализация государственной политики по социальной защите военнослужащих прямо влияет на престиж военной службы, что в свою очередь создает условия для комплектования Вооруженных Сил Российской Федерации профессиональными кадрами. Недостаточная социально-правовая защищенность создает предпосылки к понижению морально-психологического состояния военнослужащих. В Вооруженных Силах эта проблема стоит достаточно остро. Несмотря на обширную законодательную базу, права военнослужащих на льготы и компенсации часто игнорируются или нарушаются командирами и начальниками, которые обязаны вникать в проблемы и нужды подчиненных.

Следует отметить, что в законодательстве присутствует большое количество дифференцирующих факторов в части, касающейся социальной защиты военнослужащих. Так, офицеры и прапорщики имеют широкий ряд преимуществ перед сержантами и солдатами. Хотя на практике основные тяготы и лишения претерпевают именно сержанты и солдаты. В современных условиях дифференциация социальных прав и гарантий должна иметь объективный характер, который будет учитывать тяжесть и длительность воздействия факторов военной службы на организм человека, бытовые условия жизни и заслуги перед государством, а не только наличие определенного звания.

Разберем несколько примеров, где имеется существенная диспропорция в социальной защищенности. Так, при увольнении с военной службы по состоянию здоровья гражданина, в связи с признанием его не годным к военной службе, вследствие военной травмы, ему выплачивается единовременное пособие. Военнослужащему контрактной службы положена компенсация в размере двух миллионов рублей, а военнослужащему по призыву, или гражданину, призванному на военные сборы один миллион рублей. Здесь мы видим существенную разницу в размере выплат, хотя социальные последствия одинаковы как для первой, так и для второй группы военнослужащих.

Следует обратить внимание на понятие «военная травма». В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 04.07.2013 г. № 565 «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе» [7], военно-врачебная комиссия выносит заключение о причинной связи увечья или заболевания. Формулировка «военная травма» указывается — если увечье получено освидетельствуемым при исполнении обязанностей военной службы. Постановление предлагает довольно абстрактную формулировку и отправляет нас к другому термину — «увечье», которому не дается конкретного определения. А также перечисляет обстоятельства, которые могут привести к военной травме.

Также вышеприведенное Постановление дает формулировку причинно-следственной связи: «заболевание получено в период военной службы». На ней следует остановиться, потому что она непосредственно связывает заболевание военнослужащего со временем прохождения военной службы. Стрессовый характер повседневной жизнедеятельности, высокие физические и морально-психологические нагрузки, риск для жизни в мирное время, участие в боевых действиях и миротворческих операциях могут спровоцировать серьезные хронические заболевания у военнослужащего. Вследствие чего военно-врачебная комиссия может признать его не годным к военной службе, что спровоцирует его увольнение по состоянию здоровья с формулировкой «не годен к военной службе вследствие заболевания, полученного в период военной службы». Но такое основание не дает права на компенсации в соответствии с Законом о денежном довольствии. Подводя итог данной проблемы, можно сделать вывод, что социальные последствия — потеря трудоспособности, возможная инвалидность и другие негативные факторы соизмеримы, но при этом в первом случае военнослужащий получает существенную денежную компенсацию, а во втором нет. Автор соглашается с мнением Н. В. Антипьевой: «Причина инвалидности оказывает существенное влияние на объем социальных представлений для граждан. К числу юридически значимых причин инвалидности у военнослужащих традиционно относят военную травму и заболевание, полученное в период военной службы. Однако их круг намного шире» [8 — с. 27].

Еще одна дифференциация в части, касающейся увольнения с военной службы по состоянию здоровья, закреплена в 51 статье Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ (далее Закон № 53-ФЗ), которая регламентирует основания увольнения с военной службы.

В соответствии с ней, военнослужащий подлежит увольнению с военной службы по состоянию здоровья — в связи с признанием его военно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе. По данным основаниям обязательному увольнению подлежит категория военнослужащих, которая проходит военную службу по контракту в звании до старшины или главного корабельного старшины включительно, а также военнослужащих по призыву. При этом у офицеров и прапорщиков есть выбор продолжить службу или уволиться по данной статье. Это обусловлено тем, что военнослужащие, не имеющие звания офицера или прапорщика, получают более высокую физическую и морально-психологическую нагрузку. Стойкую потерю трудоспособности и даже инвалидность гражданин может получить, уволившись из армии ограниченно годным к военной службе. Возникает закономерный вопрос, почему у данной категории военнослужащих меньше льгот и компенсаций?

На взгляд автора, в целях справедливой социальной защиты разных групп военнослужащих, следует уравнивать права и размеры компенсационных выплат при уволь-

нении с военной службы по состоянию здоровья с формулировками «военная травма» и «заболевание, полученное во время прохождения военной службы». Предоставить возможность выбора продолжить службу или уволиться военнослужащим по контракту, признанным ограниченно годными, которые по объективным причинам могут исполнять обязанности по занимаемой должности, либо переводить их на другие должности, на которых они смогут исполнять свои должностные обязанности без ущерба для службы.

С увольнением по состоянию здоровья раньше срока связаны и другие негативные последствия материального характера, например, необеспеченность жильем либо долги по военной ипотеке, что существенно ухудшает материальное положение военнослужащего и членов его семьи.

В 2004 году был принят Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (далее Закон № 117-ФЗ). Его принятие положило начало становлению нового вида реализации жилищных прав военнослужащих. Благодаря данному закону у граждан, проходящих военную службу, появилась возможность обеспечить себя и членов своей семьи жильем в процессе службы, и не дожидаться выслуги лет, необходимой для получения жилищной субсидии. В целом данная инициатива рассматривается положительно. В рамках социальной защиты военнослужащих предлагаем рассмотреть проблемы, которые могут возникнуть при увольнении с военной службы по состоянию здоровья и юридических последствиях, связанных с данным фактом.

В соответствии с Законом № 117-ФЗ основанием возникновения права на использование накоплений, учтенных на именном накопительном счете участника накопительно-ипотечной системы, является, в том числе, увольнение военнослужащего, общая продолжительность военной службы которого составляет десять лет и более по состоянию здоровья — в связи с признанием его военно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе. До выполнения данных условий средства, учтенные на накопительном счете и уплаченные в счет погашения ипотеки, принадлежат Российской Федерации. Государство платит за жилье военнослужащего пока он проходит службу. И если военнослужащий вынужден прекратить ее по состоянию здоровья, в связи с признанием его ограниченно годным при отсутствии десятилетней календарной выслуги, он остается один на один со своими проблемами. Целевой жилищный заем и средства, которые вносились на погашение ипотеки, необходимо будет вернуть государству, а дальнейшие расчеты за жилье с банком производить самостоятельно. При этом продать жилье невозможно по рыночной цене, так как оно имеет обременения. Кроме того, уволенный военнослужащий может быть нетрудоспособен и не иметь возможности устроиться на работу, которая будет давать ему возможность расплачиваться по своим обязательствам перед банком

и государством. В подобной ситуации военнослужащий и члены его семьи абсолютно не защищены, ведь права на пенсию и денежную компенсацию у него не возникает.

Становится очевидно, что несмотря на многообразие льгот и компенсаций, предусмотренных законодательством, у военнослужащего могут сложиться жизненные обстоятельства, при которых он будет социально не защищен, лишен здоровья, возможности полноценно трудиться, при этом не получит от государства поддержки.

Исходя из вышеизложенного, предлагается внести изменения в пункт 12 статьи 3 Закона о денежном довольствии и изложить его в следующей редакции: «При увольнении военнослужащего с военной службы или отчислении с военных сборов гражданина, призванного на военные сборы, в связи с признанием его не годным к военной службе вследствие военной травмы или заболевания, полученного в период военной службы, ему выплачивается единовременное пособие в размере:

- 1) 2 000 000 рублей — военнослужащему, проходящему военную службу по контракту или по призыву.
- 2) 1 000 000 рублей — гражданину, призванному на военные сборы».

А также изменить подпункт «г», пункта 1, статьи 51 Закона № 53-ФЗ и изложить его в следующей редакции:

«1. Военнослужащий подлежит увольнению с военной службы:

г) по состоянию здоровья — на основании рапорта военнослужащего по контракту, в связи с признанием военно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе военнослужащего, проходящего военную службу по контракту на воинской должности, для которой штатом предусмотрено воинское звание до старшины или главного корабельного старшины включительно, или проходящего военную службу по призыву».

Внесенные изменения позволят уравнивать компенсационные выплаты для военнослужащих по контракту и призыву при признании их не годными к военной службе вследствие военной травмы или заболевания, полученного во время военной службы. А также дать возможность выбирать: увольняться или нет военнослужащим по контракту, не имеющим звания офицера или прапорщика при признании их ограниченно годными. Либо по решению ежегодной аттестационной комиссии переводить их на другую должность, где состояние здоровья не будет препятствовать прохождению службы. Это даст возможность военнослужащим, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации, сохранить трудоспособность, проходить лечение за счет государства и дослужить до выслуги, необходимой для исполнения обязательств по военной ипотеке, а также начисления пенсии. В целом это повысит социальную защищенность военнослужащих разных категорий и престиж военной службы, что в свою очередь привлечет больше профессиональных кадров в ряды Вооруженных Сил Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 октября 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 2020. — 04 июля.
2. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 26 мая 2021 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 13. — Ст. 1475.
3. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 01 июля 2021 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 22. — Ст. 2331.
4. О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ (ред. от 02 июля 2021 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 34. — Ст. 3532.
5. О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат: Федеральный закон от 01 ноября 2011 г. № 306-ФЗ (ред. от 31 июля 2020 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 45. — Ст. 6336.
6. Дроздов А. Г. Основные проблемы военно-социальной сферы Вооружённых сил России / А. Г. Дроздов // Учёные записки РГСУ. — 2011. — № 4. — С. 100–104.
7. Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе: Постановление Правительства РФ от 04 июля 2013 г. № 565 (ред. от 01 июня 2020 г., с изм. 27 сентября 2021 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 28. — Ст. 3831.
8. Антипьева, Н. В. Социальное обеспечение военнослужащих: проблемы правового регулирования: специальность 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Антипьева Наталья Валерьевна; Санкт-Петербургский государственный университет. — Санкт-Петербург, 2010. — 45 с.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Проблемы применения мер принуждения в оперативно-розыскной деятельности

Амицба Лилиана Романовна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель;

Раскопин Даниил Андреевич, студент;

Мокеров Леонид Николаевич, студент;

Бабкин Артём Вадимович, студент;

Филиппов Алексей Владимирович, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (г. Киров)

В данной статье рассматривается проблема применения инструментов принуждения в рамках оперативно-розыскной деятельности, а именно использование уголовно-процессуальных средств принуждения. Авторы высказывают предложение, которое направлено на совершенствование механизма перехода из оперативно-розыскного законодательства в уголовно-процессуальное при проведении оперативно-розыскных мероприятий, для оптимизации работы сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, меры принуждения, сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, оптимизация работы правоохранительной системы, возбуждение уголовного дела.

Если изучить практику последних лет, то можно сделать вывод, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий, орган, который осуществляет оперативно-розыскную деятельность, ограничивается документированием преступной деятельности фигурантов в рамках конкретных оперативно-розыскных мероприятий, и для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке ст. 145 УПК, применения уголовно-правовых средств принуждения, передает собранный материал следователю следственного отдела по подследственности. К уголовно-процессуальным средствам принуждения относятся задержание, обыск в жилище, личный обыск. Однако данные действия называются — следственными действиями, однако фактически они носят принудительный характер, потому что, они ограничивают права граждан, такие как, право на личную неприкосновенность личности и право на неприкосновенность жилища.

При изучении механизмов проведения таких оперативно-розыскных мероприятий, как контролируемая поставка запрещенных предметов и веществ, проверочная закупка, оперативного эксперимента, а также иных оперативно-розыскных мероприятий, логично сделать вывод, что задержание, личный досмотр фигуранта, его вещей, а в некоторых случаях осмотр жилого помещения, являются основными действиями, которые позволяют своевременно получить оперативную информацию, которая в дальнейшем может стать доказательством по конкретному уголовному делу.

Однако, согласно Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144 — ФЗ, меры оперативно-розыскного принуждения не закреплены законодательно, соответственно механизмы оперативно-розыскного принуждения не предоставляются органам осуществляющие ОРД. После того, как ОРМ были проведены, действует уголовно-процессуальное законодательство, а не оперативно-розыскное, потому что действия, как, например, задержание лица, личный досмотр, изъятие предметов находящиеся при задержанном лице, могут быть осуществлены с применением уголовно-процессуальным законом, так как совершено (совершается) преступление.

Для лучшего понимания механизма применения уголовно-процессуальных средств принуждения, рассмотрим пример проверочной закупки наркотических средств.

Передача наркотических средств происходит по разному. Раньше, их могли передавать напрямую, то есть «курьер» к «клиенту». В современных условиях наркотики закладывают в подъездах домов, в парках, в заброшенных местах. Разносят их, так называемые, «закладчики», используя конспиративные методы, используя при этом сотовые телефоны, подключенные к сети «Интернет». Соответственно, «закладчики» используют различные мессенджеры, фотографируют места захоронения и используют интернет-карты, чтобы знать точные координаты места захоронения наркотиков. Однако и в наше

время используется вышеупомянутый способ, поэтому его рассмотрим с точки зрения, позитивного сценария, для сотрудников правоохранительных органов.

Если незаконная передача наркотиков происходит на открытой местности, видя это, оперативные сотрудники задерживают лицо, передающее наркотические вещества и доставляется в соответствующий отдел полиции. Исходя из основных задач ОРД, оперативные сотрудники обязаны незамедлительно принять меры, которые исключают любую возможность сокрытия, уничтожения находящихся при сбытке наркотических веществ и иных предметов. Под иными предметами тут стоит понимать, сотовый телефон, предметы для фасовки наркотиков и другие вещи, которые оставляют следы преступной деятельности лица. Такие предметы могут стать вещественными доказательствами, которые могут лечь в основу доказательной базы для уголовного дела.

На необходимость незамедлительного задержания сбытчиков наркотиков указываются и в определениях Верховного суда Российской Федерации по конкретным уголовным делам с целью решения задач оперативно-розыскной деятельности, получения доказательств и недопущения в последующем незаконных действий со стороны сотрудников, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия [1, с. 6].

Как правило, у задержанного лица всегда имеется сотовый телефон. Как выше было сказано, у сбытчика наркотических средств, в мессенджерах имеются переписки с «кураторами» наркобизнеса, координаты захоронения и фотографии с местами захоронения наркотиков. Соответственно, информация, которая хранится на сотовом телефоне, может стать прямым доказательством незаконного сбыта наркотических средств. И задача оперативных сотрудников, здесь, заключается в том, чтобы изъять сотовый телефон с соблюдением действующего законодательства.

После того как лицо было доставлено в отдел полиции, в соответствии со ст. ст. 91, 92 УПК РФ сотрудники органа, осуществляющие ОРД должны оформить протоколы доставления и задержания. За отпущенные три часа, следователем должно быть принято процессуальное решение, а именно отказать в возбуждении уголовного дела или возбудить уголовное дело.

Соответственно, можно сделать вывод, что сотрудникам, осуществляющие ОРД, в течение трех часов, обязаны полностью и надлежаще оформить оперативно-служебные документы по проверочной закупке, направить предметы, закупленные лицом, осуществившим проверочную закупку на исследование экспертом, получить справку эксперта о природе закупленного вещества и передать результаты проверочной закупки в соответствии с требованиями приказа МВД России от 27.09.2013 № 776 следователю для их оценки и решения вопроса о принятии процессуального решения.

Если сотрудники органа, осуществляющие ОРД, не укладываются в отведенный срок оформить надлежащим образом результаты проверочной закупки и пе-

редать их следователю, то логично, что по истечению времени, лицо должно быть освобождено. Соответственно, произвести личный досмотр в его карманах, изъять тот самый сотовый телефон, законодательно будет запрещено. Прямые доказательства, после того, как лицо будет освобождено, содержащиеся в памяти сотового телефона, будут утрачены, потому что, фигурант незамедлительно удалит все признаки своей преступной деятельности.

Как было сказано ранее, следователь решает вопрос о возбуждении уголовного дела, соответственно, ему необходимо получить результаты проверочной закупки, после их изучения, возбуждает уголовное дело, в порядке ст. ст. 91, 92 УПК РФ составляет протокол задержания фигуранта, после, в порядке ст. 93 УПК РФ производит личный обыск, после, допрашивает подозреваемого и производит иные необходимые следственные и процессуальные действия, предусмотренные УПК РФ. То есть, в этом случае, следователь руководит процессом, а оперативные сотрудники ему помогают.

Если мы рассматриваем установленные три часа после задержания лица, то переход из оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальную при проведении проверочной закупки наркотических средств практически мало реализуем. Сейчас мы это обоснуем.

Во-первых, время, которое отведено согласно действующему законодательству (три часа), недостаточно для того, что полностью собрать и оформить материал по проверочной закупке, также это касается проведения экспертизы закупленного вещества и передачи материала по подследственности для принятия процессуального решения в порядке ст. 145 УПК РФ. Учитываться должен тот факт, что лицо совершившее преступление, может быть несовершеннолетним. По ст. 151 УПК РФ категория преступлений, связанная с оборотом наркотических средств, подследственна следователям МВД России, однако, если лицо, не достигшее совершеннолетия, совершило такое преступление, то данный материал подлежит проверке следователями СК России. Оперативные сотрудники являются сотрудниками МВД, поэтому каких-либо затрат по времени доставления материала не будет. А с доставлением материала проверочной закупке в следственный отдел СК России, а также доставление лица в следственный отдел занимают дополнительное время. В любом случае, фактически сотрудникам, осуществляющие ОРД может понадобиться сутки, а в некоторых случаях, например, от тактических приемов незаконного сбыта наркотических средств или места нахождения следственного отдела, оперативным сотрудникам может понадобиться до трех суток.

Во-вторых, допустим, оперативные сотрудники органа, осуществляющие ОРД, успевают все сделать в установленный срок, следователь не вправе вынести процессуальное решение незамедлительно, основываясь на словах оперативных сотрудников. Следователю необходимо полностью изучить предоставленные ему материалы, а также обязан установить — получены ли предоставленные материалы с соблюдением действующего законодатель-

ства, совершил ли фигурант все действия, необходимые для совершения преступления, свидетельствуют ли полученные материалы о том, что у лица имелся умысел на незаконный оборот наркотических средств, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органа, осуществляющие ОРД [2].

В-третьих, следователю необходимо оценить возможность использования результатов ОРД в качестве доказательств по уголовному делу. А именно: содержат ли они данные, которые указывают о преступной деятельности лица, в отношении которого проведена проверочная закупка, и имеется ли возможность придать им процессуальную форму, которая позволит признать их в качестве вещественных доказательств по уголовному делу [1, с. 18]. То есть, такой процесс, также занимает определенное время.

Однако применять уголовно-процессуальные средства принуждения, могут не только следователи, но и иные субъекты. УПК РФ предоставляет такую возможность, поэтому рассмотрим алгоритм применения таких норм.

В соответствии со ст. 41 УПК начальником органа дознания или его заместителем, могут возлагаться полномочия органа дознания на дознавателя. То есть, дознаватель уполномочен самостоятельно, принимать процессуальные решения (отказывать в возбуждении уголовного дела либо возбуждать уголовное дело), производить следственные действия (допросы, осмотры предметов) и иные процессуальные действия, давать письменные поручения органу дознания на проведения оперативно-розыскных мероприятий и о производстве отдельных следственных действий. Соответственно, исходя из толкования норм УПК РФ, орган осуществляющий ОРД, является органом дознания, то есть его руководитель может, на основании постановления, возложить полномочия дознавателя на оперативного сотрудника. Однако стоит учитывать ограничения, которые прямо прописаны в УПК РФ. А именно, в соответствии с ч. 2 ст. 41 УПК РФ, начальник органа до-

знания, не может возложить полномочия дознавателя на оперативного сотрудника, который проводит или проводил оперативно-розыскные мероприятия по данному уголовному делу. Руководствуясь ст. 41 УПК РФ, сотрудник, на которого возложили полномочия дознавателя, вправе рассмотреть материал по проверочной закупке, после чего принять процессуальное решение (возбуждение уголовного дела), произвести задержание лица, личный обыск, проводить допросы, производить иные неотложные следственные действия. После проведения всех неотложных следственных действий, сотрудник, на которого возложили полномочия дознавателя, выносит постановление о передаче уголовного дела по подследственности.

Также стоит учитывать, что в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ дознаватель вправе на проведение обыска жилища, без вынесенного судебного решения, в тех случаях, не терпящих отлагательств, после чего в течение суток с момента начала производства данного следственного действия, сотрудник, на которого возложили полномочия дознавателя, должен уведомить прокурора и судью о производстве подобного следственного действия.

Подводя итоги, использование такого механизма перехода с оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальную, позволяет правоохранительным органам уменьшить вероятность утраты доказательств, ускоряет сбор и поступления оперативной информации в доказательственную базу по уголовному делу, что в свою очередь будут реализованы задачи по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, установлению личностей, совершающих или совершивших их. То есть такой алгоритм действий, позволяет без особых затрат оптимизировать работу правоохранительной системы. Однако стоит подчеркнуть, что при применении такого алгоритма действий, сотрудники органа, осуществляющего ОРД, должны иметь высококвалифицированный уровень в области оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства.

Литература:

1. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ (Утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 года) // Верховный суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.vsrif.ru/documents/thematics/15108/> (10.11.2021)
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС Консультант Плюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (10.11.2021)

Актуальность введения нового оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» и проблемы его проведения

Амичба Лилиана Романовна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель;

Рассохин Артемий Вячеславович, студент;

Владимиров Григорий Александрович, студент

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (г. Киров)

В статье авторы пытаются обосновать актуальность введения нового оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации», а также обозначить возможные проблемы его практического применения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, получение компьютерной информации.

Невозможно представить обеспечение безопасности граждан и государства в целом без постоянного добывания информации о преступлениях и преступниках правоохранительными органами в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее по тексту ОРД). Большая часть такой информации в настоящее время перемещается с помощью сети Интернет, концентрируется в информационных ресурсах или же на различного рода технических устройствах в форме компьютерной информации.

Вследствие этого ведется активный поиск оптимальных форм и методов сбора компьютерной информации. При этом следует отметить, что существует проблема недостаточности правовой регламентации получения доступа к компьютерным данным, которые представляют интерес для органов, осуществляющих ОРД.

Существенное влияние на характер современной преступности оказывает развитие информационных тех-

нологий, которые используются для организации и совершения преступлений, а также совершенствования криминального профессионализма. Более того современное информационное пространство позволяет криминальным структурам расширять сферы своей преступной деятельности.

На данный момент количество веб-сайтов во всем мире превышает 1 млрд а количество пользователей сети Интернет по данным We Are Social и Hootsuite составляет 4,66 млрд человек на январь 2021 года (Рис. 1) [1]. Также наблюдается процесс массовой компьютеризации населения в России (84.5%) [2].

Широкая распространенность и доступность информации для пользователей во многом оказало влияние на рост преступлений в сети Интернет за последние несколько лет (Рис. 2). Вследствие этого ежегодно в реестр Роскомнадзора заносятся сайты, которые распространяют запрещенную информацию, в том числе и информацию криминальной направленности.

Рис. 1. Количество людей, пользующихся интернетом

Рис. 2. Преступления, совершаемые криминальными структурами в интернете

Оперативно-розыскные мероприятия (далее по тексту ОРМ) играют особую роль в сборе компьютерной информации, имеющей криминальный характер, их исчерпывающий перечень закреплен в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (далее по тексту Закон об ОРД) [3].

Расширение числа пользователей сети Интернет, а также увеличение количества информации, носящей криминальный характер, в глобальных компьютерных сетях вынудило законодателей дополнить список ОРМ.

Так, в 2016 году законодатель дополнил этот перечень, было введено еще одно ОРМ — «получение компьютерной информации», которое напрямую направлено на сбор информации, хранящейся на различного рода технических устройствах.

Получение компьютерной информации — это негласное оперативно-розыскное мероприятие, осуществляемое с использованием возможностей оперативно-технических подразделений в целях копирования и изъятия сведений, содержащихся на жестком диске компьютера или на иных электронных носителях, связанных с компьютером каналом связи, если для их получения требуется получение к ним удаленного доступа по информационно-коммуникационным сетям, в том числе с применением заблаговременно внедренных закладных устройств и/или программных компонентов [4].

Важно отметить, что до введения изменений в Закон об ОРД в 2016 году получение компьютерной информации осуществлялось в ходе проведения контроля технических каналов связи. К беспроводным электрическим каналам связи наряду со спутниковой, сотовой и радиосвязью относилась и информация, циркулирующая в компьютерных сетях.

Следует учитывать и то, что на введение нового ОРМ повлияло распространение компьютерной формы предоставления оперативно значимой информации и ее особые свойства. Именно поэтому при анализе получения компьютерной информации важно знать, что же такое «компьютерная информация».

Так, в ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (далее по тексту ФЗ о защите информации) дается общее понятие информации — это сведения (сообщения, данные), независимо от формы их представления [5].

Понятие же компьютерной информации законодательно закреплено в примечании к ст. 272 Уголовного Кодекса РФ, где сказано, что под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [6].

В общем смысле под компьютерной информацией следует понимать не какой-то конкретный вид информации, а именно ее специфическую форму предоставления. Данная форма передачи приспособлена для обработки в компьютерных устройствах и передачи по каналам связи, а также хранения на специальных носителях.

Неоспоримым плюсом компьютерной формы является то, что с ее помощью можно в разы эффективнее обрабатывать данные и пересылать их на большие расстояния в кратчайшие сроки при использовании программного обеспечения (далее по тексту ПО). Но при этом компьютерные данные могут носить обезличенный характер, что так любят использовать криминальные элементы, желая скрыть следы своих преступных деяний. Также для них не менее важна возможность быстрого и полного уничтожения таких данных.

Можно сказать, что практически любые данные, благодаря оцифровке, можно перевести в компьютерную форму, которая плотно ассоциируется в настоящее время

с цифровой формой данных. Исходя из этого следует отметить то, что существует несколько вариантов получения компьютерной информации в техническом плане (Рис. 3).

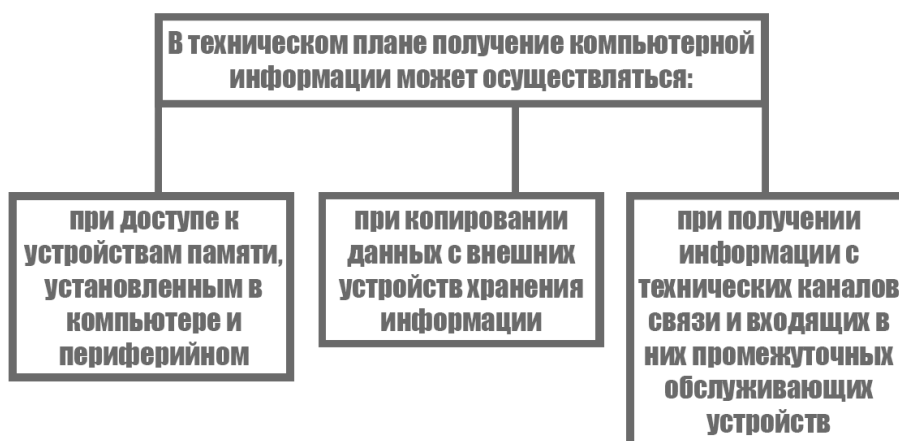

Рис. 3. Способы получения компьютерной информации

Проведение ОРМ «получение компьютерной информации» неразрывно связано с рядом проблем преимущественно объективного субъективного характера.

1) Существенной проблемой является нехватка специалистов, владеющих информационными технологиями в совершенстве, а также отсутствие системы подготовки и повышения квалификации по использованию информационных систем среди сотрудников оперативных подразделений, что оказывает негативный эффект на качество проведения ОРМ.

Сюда же следует относить недостаточный уровень оснащения специальными техническими средствами, предназначенной для получения компьютерной информации.

Выходом из данной ситуации будет профессиональный рост сотрудников, которые уполномочены осуществлять ОРД, а также реализация современных информационных технологий.

2) Не менее значимой является проблема получения органами, осуществляющими ОРД, данных в форме компьютерной информации, защищенной средствами криптографической защиты.

Под средствами криптографической защиты понимаются физические устройства, которые содержат в себе ПО для шифрования, передачи и записи информации.

Подобный метод защиты подразумевает кодирование информации (для ее шифровки и дальнейшей расшифровки создается ключ, который хранится в секрете). Такая защита является наиболее надежной, так как невозможно прочесть файл, не имея ключа шифрования, что уберегает информацию даже в случае кражи ее носителя.

Решением данной проблемы может быть применение специальных технических знаний и привлечение специалистов для того, чтобы не допустить утрату получаемой информации.

3) Также проблемой является то, что отсутствует четкая правовая регламентация процедуры получения компьютерной информации, которая составляет государственную, коммерческую, служебную тайну и иные тайны, охраняемые законодательством.

Так ст. 9 ФЗ о защите информации предусматривает некоторые ограничения по доступу к таким сведениям. В данной статье указано, что информация, составляющая профессиональную тайну, может быть предоставлена третьим лицам в соответствии с федеральными законами и/или по решению суда. Для ознакомления, копирования и изъятия такой информации необходимо наличие судебного решения. Если сведения, составляющие служебную или профессиональную тайну, содержатся в документе, то он должен иметь соответствующий гриф ограничения допуска и быть зарегистрированным в журнале учета. Однако факт наличия таких сведений в компьютере невозможно проверить без ознакомления с содержащимися там файлами, если только это не государственная или служебная тайна, компьютеры с такой информацией находятся в режимных помещениях, и наличие в них сведений ограниченного доступа имеет документальное подтверждение. Исходя из этого следует предположить, что если имеются данные о возможности нахождения в компьютере такого рода сведений, то получение судебного решения все же необходимо.

Перечень обозначенных проблем не является исчерпывающим и может быть дополнен, чем и обосновывается необходимость продолжения работ по совершенствованию законодательства в сфере проведения ОРМ.

Несмотря на наличие проблем практического применения, следует признать, что законодательное закрепление нового ОРМ «получение компьютерной информации» стало прогрессом для российского законодательства.

Литература:

1. Диджитал 2021: Глобальный обзорный отчет [Электронный ресурс] <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report>
2. Информационное общество в РФ 2020 Статистический сборник [Электронный ресурс] <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf>
3. Баженов С. В. Научный вестник Омской академии МВД России. № 2 (65). 2017. С. 33.
4. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 N 144-ФЗ [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/
5. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/
6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Угроза половой неприкосновенности несовершеннолетних в эпоху цифровизации

Алиев Самир Зульфиевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Насимов Геннадий Асафович, кандидат юридических наук, доцент
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье авторы рассматривают влияние цифровизации как глобального процесса на человечество не только с точки зрения открывающихся возможностей, но и с позиции уголовно-правовых рисков, связанных с безопасностью несовершеннолетних.

Ключевые слова: интернет, несовершеннолетние, половая неприкосновенность, развратные действия.

Процессы цифровизации начались не одно десятилетие назад, и необходимо признать, что ее влияние на сферу уголовного права, процесса и криминологии имеет положительные, привлекательные формы. Здесь мы имеем в виду различные инновационные разработки типа технологии блокчейн Л. Бертовского, «Электронные весы правосудия», идею глобальной электронной системы дистанционного контроля над преступностью и др.

В то же время инновационные технологии незамедлительно были взяты на вооружение лицами с неблагоприятными намерениями, что существенно повлияло на динамику преступности: в настоящее время наблюдается осязаемое сокращение одних видов преступности (среди мигрантов, уличная преступность) и всплеск других — семейно-бытовой, киберпреступности и др. [6].

Последнее обстоятельство вызывает особенно серьезное беспокойство, поскольку большое количество развратных действий происходит именно внутри семьи или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе интернета) [1, с. 180–182].

По данным ГИАЦ МВД России ежегодно стремительно растет число зарегистрированных преступлений, сопряженных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации: в 2017 г. — 90 587, в 2018 г. — 174 674, в 2019 г. — 294 409 (из них с использованием средств мобильной связи — 116 154, интернета — 157 036), в январе 2020 года зарегистрировано 28 145 (из них с использованием средств мобильной связи — 10 564, интернета — 15 183) [8].

Такое положение дел Я. И. Гилинский объясняет тем, что множество субъектов так называемой уличной преступности в эпоху постмодерна сменили «место дислокации», переместившись в интернет. Там они заводят зна-

комства, романтические отношения, вымещают чувства («стреляют», «убивают») и удовлетворяют свои потребности [3, с. 227]. В том числе сексуальные.

Информационно-телекоммуникационные сети (в том числе интернет) являются уникальным инструментом, позволяющим злоумышленнику не только подготовиться к совершению преступления, выбрав конкретного ребенка (группу несовершеннолетних) для преступных посягательств и собрав необходимую информацию, но и выполнить объективную сторону преступления.

Лига безопасного интернета — авторитетная российская организация, которая в качестве своей миссии провозглашает борьбу с распространением опасного контента в виртуальном мире — указала, что за 2011–2016 годы ими было получено 179 354 сообщения о размещенной в сети детской порнографии, с 69 835 сайтов информация удалена [4].

Нередко дети сами стремятся установить контакт, беспрекословно выполняя все требуемые от них действия, дабы получить те или иные блага (вступить в «модельное агентство», получить денежные средства на оплату услуг мобильной связи и т. д.). Данное обстоятельство обуславливает многоэпизодный характер преступных действий и демонстрирует, что использование информационно-телекоммуникационных сетей (в частности интернета) для совершения развратных действий многократно повышает вероятность наступления общественно опасных последствий.

Негативные последствия, неминуемо наступающие для ребенка, соприкоснувшегося с порнографическими материалами, исследователь Е. С. Гордеева [5, с. 269] описывает в своих работах так: возникновение и развитие фобий, суицидальных мыслей, сексуальной дисфункции, девиантного поведения и другое. Пагубное

влияние на нормальное психическое развитие ребенка имеет место всегда, независимо от его роли, различается лишь степень развития патологий. Справедливо отмечается безусловное разрушающее влияние порнографии не только на нормальное развитие личности, но и на нравственные устои общества.

Проведенные исследования, основанные на изучении материалов уголовных дел, показывают, что развратные действия с использованием данного средства совершаются часто. Так, Е. А. Алиева говорит о 67% несовершеннолетних потерпевших в возрасте от 6 до 16 лет в рамках изученных ею уголовных дел.

Способ реализации изученных упомянутым автором бесконтактных развратных действий был различным — ведение переписки интимного характера, обмен откровенными фотографиями, осуществление видеозвонков. Последний способ пользовался особой популярностью, поскольку преступник таким образом получал возможность на условиях анонимности зафиксировать процесс осуществления жертвой сексуальных действий и воспроизводить материал неограниченное количество раз.

Так, в ходе общения преступника и несовершеннолетнего посредством видеозвонков в программе «Skype» съемка несовершеннолетнего лица осуществлялась при помощи веб-камеры и транслировалась через интернет, запись на техническом устройстве злоумышленника шла программно (т. е. без использования цифровых либо аналоговых записывающих устройств) с заданной им заранее области экрана монитора. В качестве записывающих приложений использовались такие программные продукты захвата, записи и редактирования изображений экрана как «Camtasia studio», «Webcammax» и аналогичные [7].

Полагаем, что совершение развратных действий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе интернета) многократно повышает общественную опасность преступных деяний, поскольку обеспечивает их высокую латентность и создает опасность быстрого разращения большого количества несовершеннолетних: позволяет преступнику действовать трансгранично, гипертаргетированно и анонимно, со-

здавая в глазах несовершеннолетнего любой необходимой образ для достижения преступного результата.

Кроме того, как справедливо отмечают Л. А. Букалерева, А. А. Атабекова и М. А. Симонова, за виртуальными знакомствами нередко следуют личные встречи, где в отношении ребенка могут быть совершены любые, в том числе насильственные, действия сексуального характера [2].

В этой связи выглядит разумной и необходимой криминализация любого посягательства с сексуальными целями в отношении несовершеннолетних (в том числе совершенное с использованием интернета), как того требуют международно-правовые стандарты (положения статей 19, 34 Конвенции ООН о правах ребенка, статьи 23 Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений)».

Законодательство ряда стран, принадлежащих к романо-германской правовой семье, уже содержит такое положение. Например, Уголовный кодекс Франции, предусматривающий в целом более глубокую дифференциацию уголовной ответственности за сексуальные посягательства, устанавливает наказание за вовлечение несовершеннолетнего в преступную сексуальную связь посредством телекоммуникационных сетей (ст. 227–22 УК Франции [9]).

Современные реалии таковы, что дети и подростки проявляют неосмотрительное виктимное поведение, охотно вступая в контакт с незнакомцами в интернете, раскрепощенно обсуждают интимные темы и пересылают свои откровенные фото- и видеоизображения собеседнику. Подобное положение дел требует от государства и общества незамедлительной адекватной реакции для обеспечения ребенку защиты.

Полагаем, закрепление такого обстоятельства как использование информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе интернета) при совершении развратных действий в виде квалифицирующего признака усовершенствует существующие средства уголовно-правовой защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Литература:

1. Алиева, Е. А. Сеть интернет как средство совершения развратных действий / Е. А. Алиева // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 4. С. 180–182.
2. Букалерева, Л. А., Атабекова, А. А., Симонова, М. А. О необходимости криминализации предложения несовершеннолетнему вступить в сексуальный контакт / Л. А. Букалерева, А. А. Атабекова, М. А. Симонова // Административное и муниципальное право. — 2015. — № 6.
3. Гишинский, Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». Монография / Я. И. Гишинский. — 4-е изд., испр. и доп. — СПб.: Алетейя, 2021. С. 227.
4. Годовой отчет Лиги безопасного интернета за 2017 год. [Электронный ресурс] // Лига безопасного интернета: официальный сайт. URL: <http://ligainternet.ru/liga/reports.php> (дата обращения — 30.04.2020).
5. Гордеева, Е. С. Интересы несовершеннолетних как объект криминального оборота порнографических материалов / Е. С. Гордеева // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2011. — № 3 (16). С. 269.
6. Доклад «Домашнее насилие в условиях COVID-19 в России» и данным из сборника Генеральной прокуратуры о состоянии преступности за 7 месяцев 2020 года [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской

Федерации: официальный сайт. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/caf/sbornik_7_2020.pdf (дата обращения — 12.10.2020).

7. Политова, Е. А. Исследование фонограмм, видеogramм и видеофонограмм с участием несовершеннолетних при расследовании преступлений сексуального характера / Е. А. Политова // Материалы V Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 22–23 января 2015 г.). — Москва, 2015.
8. Состояние преступности. [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/1/> (дата обращения — 08.11.2021).
9. Франция. Законы и постановления. Уголовный кодекс Франции: Принят в 1992 г.: Вступил в силу с 1 марта 1994 г.: С изм. и доп. на 1 янв. 2002 г. / Науч. редактирование Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой; Пер. с фр. и предисл. Н. Е. Крыловой. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.

Сходство и различие предварительного и судебного следствия. Специфичность судебного следствия

Архипова Юлия Евгеньевна, студент магистратуры
Московский университет имени С.Ю. Витте

В статье автором предлагается провести сопоставление процессуальных условий осуществления предварительного и судебного следствия, основанное на системе сдержек и противовесов, выявляются различия и сходства данных институтов. Исследуется вопрос о специфичности судебного следствия. Делается вывод, что балансом сил для сохранения стабильности и демократических основ государственного устройства Российской Федерации в уголовном судопроизводстве выступает система сдержек и противовесов. Дается определение сдержкам и противовесам системы судебного следствия.

Ключевые слова: система сдержек и противовесов, предварительное следствие, судебное следствие, устность, гласность, непосредственность, равенство прав сторон.

Similarity and difference of preliminary and judicial investigation. specificity of the judicial investigation

In the article, the author proposes to compare the procedural conditions of the preliminary and judicial investigation, based on a system of checks and balances, the differences and similarities of these institutions are revealed. The question of the specificity of the judicial investigation is investigated. It is concluded that the system of checks and balances in criminal proceedings serves as a balance of forces to maintain stability and the democratic foundations of the state system of the Russian Federation. The definition of checks and balances of the judicial investigation system is given.

Keywords: system of checks and balances; preliminary investigation; judicial investigation; oral; publicity; immediacy; equality of rights of the parties.

На конституционном уровне в Российской Федерации законодательно закреплены меры, не позволяющие сосредотачиваться всей полноте власти в одних руках, будь то законодательной, исполнительной и судебной ветвей. Если хотя бы одна из структур позволит себе выйти за свои полномочия, то другие имеют право на применение определенных и существенных мер в целях обеспечения демократической законности и равновесия власти. Это есть система сдержек и противовесов.

Система сдержек и противовесов в узком смысле проявляет свои характерные черты при сопоставлении институтов предварительного и судебного следствия, регулирующих их процессуальный порядок по УПК РФ 2001 г. Так, в УПК РФ имеются главы «Предварительное след-

ствие» (гл. 22) и «Судебное следствие» (гл. 37). Поскольку в широком смысле судебная власть осуществляет контроль над исполнением законов и наказывает за их возможное нарушение, при этом особо акцентируя свое внимание за соблюдением процессуальных сроков, то срок предварительного следствия, в отличие от процессуального срока рассмотрения уголовного дела по существу (в разумный срок) имеет свои временные рамки, что прямо обозначено законодателем в ст. 162 УПК РФ. По общему правилу следственные действия производятся на основании постановления следователя. Однако, в ходе предварительного следствия довольно часто возникают ситуации, когда необходимо ограничить конституционные права и свободы граждан, переступивших закон, для обеспечения указанной категории прав в целях за-

щиты интересов лиц, ставших жертвами преступления. Тогда судебная система в виде сдержек начинает реализовывать свои функции, выражающиеся в ограничении права на свободу и личную неприкосновенность, свободу передвижения и выбора места жительства, неприкосновенность жилища и частной жизни, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и др., в отношении подозреваемого/обвиняемого, на основании судебного решения, вынесенного по ходатайству органов предварительного следствия (ч. 2 ст. 164 УПК РФ).

Результаты и выводы по расследованному преступлению по уголовному делу на досудебной стадии уголовного судопроизводства, сделанные следователем, являются предварительными, поскольку они не окончательны и не имеют для суда заранее обусловленной силы. Только после судебного исследования они могут быть положены в постановление приговора. Гочияев М. К. небезосновательно пришел к выводу, что судебное следствие не является повторением исследования обстоятельств дела, проведенного органами предварительного расследования. Его нельзя рассматривать и как простую проверку материалов предварительного расследования [1, с. 4]. Соответственно, система сдержек судебной власти начинает проявлять себя в необходимости строгого соблюдения законности, недопущения бесосновательного умаления личных прав и свобод участников судопроизводства на стадии предварительного следствия, поскольку его участники наделены правом обжалования действий или бездействий органов предварительного расследования.

Целью предварительного следствия, прежде всего, является обеспечение защиты прав и законных интересов потерпевшего, и одновременно защита подозреваемого от незаконного и необоснованного обвинения, связанного с ограничением его личных прав и свобод. Нам представляется, что цель судебного следствия многогранна. Так, по мнению Хайдарова А. А.: «Цель судебного следствия имеет многокомпонентный характер, куда может быть включено: достижение правосудия; установление обстоятельств, подлежащих доказыванию; защита прав и законных интересов лиц, участвующих на судебном следствии; стремление к внутренней убежденности суда по доказанности обстоятельств дела; воспитательная нацеленность судебного следствия» [2, с. 235–236]. Не вступая в дискуссию, мы не можем полностью согласиться с мнением Азарова В. А. о единстве целей рассматриваемых институтов. Рассматривая вопрос о соотношении предварительного и судебного следствия по УПК РФ, Азаров В. А. высказал следующую точку зрения: «Сходство предписаний о правилах проведения предварительного и судебного следствия во многом объясняется, на наш взгляд, едиными целями досудебного и судебного производства, некоторые заключаются в необходимости установления фактических обстоятельств совершенного преступления и виновности в нем конкретного лица (ст. 73 УПК РФ) [3, с. 103].

Рассматривая уголовные дела, суд руководствуется законом, а не мнением участников процесса, он не связан доводами сторон обвинения и защиты, он принимает решение по своему внутреннему убеждению, основанному на детальном изучении всех материалов дела, непосредственно проведенном анализе исследованных в судебном заседании доказательств.

Существенным различием между предварительным и судебным следствием является комплекс следственных действий по собиранию доказательств. В судебном следствии приоритет отводится очной ставке, судебному эксперименту и предъявлению для опознания; в отличие от предварительного следствия, допрос представляет собой публичный расспрос подсудимого, потерпевшего и свидетелей, как судом, так и сторонами. В ходе судебного следствия исключаются производство таких следственных действий, как обыск и выемка, эксгумация трупа.

Значимым фактором судебного следствия, в соответствии со ст. 242 УПК РФ, пребывает неизменность состава суда, заключающаяся в том, что уголовное дело рассматривается одним и тем же судьей или одним и тем же составом суда. Руководитель следственного органа уполномочен поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям, а также изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи, создавать следственную группу, изменять ее состав либо принимать уголовное дело к своему производству (п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Несмотря на существенные различия между предварительным и судебным следствием, очевидным для нас является факт того, что судья и следователь оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, сформировавшемуся собственным взглядом на фактические обстоятельства дела, исключающему любое внешнее принуждение, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, при этом, руководствуясь законом и совестью.

Кроме того, уголовно-процессуальный закон в главах 21 и 35 «Общие условия предварительного расследования» и «Общие условия судебного разбирательства» устанавливает единый порядок судопроизводства. По мнению Азарова В. А.: «Сравнение этих двух глав позволяет выяснить, что в каждой из них содержатся однородные предписания, направленные на параллельную унификацию процедуры как предварительного, так и судебного следствия» [3, с. 103]. Действительно, схожесть правил указанных глав находит свое отражение в этапах начала, окончания, приостановления производства по делу; в форме и содержании протоколов, отображающих фиксацию результатов процессуальных действий и др.

Проанализировав выше черты различия и сходства наиболее важных этапов уголовного судопроизводства, наше внимание будет акцентировано на специфических чертах, характерных только для судебного следствия, которыми являются непосредственность, устность, глас-

ность, неизменность состава суда. В целом, антагонизм институтов предварительного и судебного следствия прослеживается на всех этапах судопроизводства по делу, вплоть до разрешения его по существу.

Личное непосредственное восприятие судьями доказательств по делу позволяет суду первой инстанции основывать свои выводы на тех фактических данных, которые им исследованы и установлены в судебном заседании. Материалы предварительного расследования не могут быть положены в основу приговора, если они не были представлены и подвергнуты исследованию судом и сторонами в ходе судебного разбирательства. Устность судебного разбирательства означает обязанность суда непосредственно в судебном заседании заслушивать показания подсудимого, потерпевшего и других участников, все имеющие значение для разрешения дела по существу протоколы и иные документы должны оглашаться полностью или частично. Устная форма судопроизводства используется для связи между собой участников судебного разбирательства, чем обеспечивается их активность. Часть 4 статьи 240 УПК РФ предусмотрено право допроса свидетеля и потерпевшего судом посредством систем видеоконференц-связи. Об особой значимости непосредственности и устности судебного разбирательства кратко и обстоятельно написал Хайдаров А. А.: «Значение непосредственности и устности судебного разбирательства трудно переоценить. Получение информации судом (судьей) об обстоятельствах произошедшего возможно только в зале судебного заседания с участием сторон, а предварительное изучение судьей материалов уголовного дела не должно иметь решающего значения при принятии окончательного процессуального решения по уголовному делу» [2, с. 237].

Непосредственность на стадии предварительного следствия по отдельным видам следственных действий ограничена судебным контролем, а показания участников уголовного судопроизводства обличены в протокольную форму, как и все следственные действия.

Ст. 241 УПК РФ гарантирует гласность судебного разбирательства, иными словами, открытость, предполагающую право граждан наблюдать за ходом процесса как непосредственно (присутствуя в зале суда), так и получая соответствующие сведения из средств массовой информации (за исключением случаев закрытого судебного разбирательства на основании положений ч. 2 ст. 241 УПК РФ). Противопоставлена гласности судебного разбирательства тайна предварительного следствия в отношении круга лиц, без полноценной реализации принципа состязательности сторон, являющаяся гарантией надлежащего отправления правосудия и обеспечения прав личности в уголовном процессе.

Важным условием обеспечения непосредственности исследования судом обстоятельств уголовного дела является неизменность состава суда, выражающаяся в рассмотрении уголовного дела одним и тем же судьей или одним и тем же составом (ст. 242 УПК РФ). Неучастие судьи в той части судебного разбирательства, в которой иссле-

довались какие-либо доказательства или производились иные процессуальные действия, лишает его права принимать решения не только относительно этой части судопроизводства, но и по делу в целом. При замене судьи разбирательство дела начинается сначала с участием нового судьи. На стадии предварительного следствия, как показывает сложившаяся практика, нередки случаи передачи на законных основаниях уголовного дела в производство другому следователю, при этом ранее выполненные следственные действия сохраняют свою юридическую силу, и выполнение их сначала по общим правилам не требуется.

В соответствии со ст. 244 УПК РФ «Равенство прав сторон» в судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, что обеспечивает состязательность процесса. Это позволяет сторонам вести равный спор, убеждая суд в своей правоте. На стадии предварительного следствия состязательность отсутствует; участники наделены правами и полномочиями, исходя из их процессуального статуса.

Специфичность судебного следствия также заключается в том, что суд в уголовном процессе осуществляет лишь функцию правосудия, сам не вправе формулировать обвинение; судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению. Изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Указанные требования содержатся в ст. 252 УПК РФ «Пределы судебного разбирательства». Предварительное следствие данными положениями не связано. Кроме того, в соответствии со ст. 246 УПК РФ участие в судебном разбирательстве обвинителя обязательно, чем обеспечивается принцип состязательности, поскольку суд не выполняет функцию уголовного преследования, соответственно, не несет бремя доказывания виновности подсудимого. На стадии предварительного следствия государственный обвинитель выполняет надзорные функции, участвуя только в тех следственных действиях, в которых требуется наличие судебного решения.

Таким образом, мы приходим к выводу, что балансом сил для сохранения стабильности и демократических основ государственного устройства Российской Федерации в уголовном судопроизводстве выступает система сдержек и противовесов, проявляющая свои черты при сопоставлении институтов предварительного и судебного следствия. «Сдержки» проявляются в полномочиях суда, благодаря которым органы предварительного следствия не могут осуществить определенные действия самостоятельно, без судебного решения, тем самым, они удерживаются от произвола в отношении участников уголовного судопроизводства, что способствует повышению качества предварительного следствия и неукоснительному соблюдению законности при производстве следственных действий. Это не просто судебный контроль,

это реализация принципа правосудия — законности, основы демократического общества.

Специфические черты, характерные только для судебного следствия, — непосредственность, устность, гласность, неизменность состава суда, обеспечивающие состязательность процесса, а также строго регламентированные пределы судебного разбирательства, обязательное участие обвинителя в судебном разбирательстве, выступают в роли «противовеса» системы. По сути, это вы-

ражение правомочия суда на рассмотрение материалов уголовного дела, обличенных в процессуальную форму, которое, при установлении истины в ходе рассмотрения уголовного дела по существу, суд реализовывает в итоговом судебном акте, основанном на законности, обоснованности и справедливости, в виде прекращения уголовного дела или уголовного преследования, обвинительного или оправдательного приговора в определенных уголовно-процессуальным законом случаях.

Литература:

1. Гочияев М. К. Судебное следствие как объективная основа законного и обоснованного приговора: Автореф. Дис.... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 4.
2. Хайдаров А. А. О многокомпонентности цели судебного следствия // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 235–236.
3. Азаров В. А. Соотношение предварительного и судебного следствия по УПК Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 103.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Комментарий к последним изменениям / Под ред. Г. Ю. Касьяновой (2-е изд., перераб. и доп.). — М.: АБАК, 2020. С. 352.
5. Шаталов А. С., Крымов А. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция»: учебное пособие. М.: Проспект, 2018. 684 с.
6. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса: учебное пособие. М.: Статут, 2016. 1278 с.
7. Кутуева Э. К. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для вузов. Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2020. 529 с.
8. Мешков М. В. Предварительное следствие: учебник. М.: Юнити, 2015. 783 с.
9. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дис.... докт. юрид. наук. М., 2004.

К вопросу о разграничении угрозы совершения террористического акта и заведомо ложного сообщения об акте терроризма

Мязин Александр Евгеньевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Новиков Дмитрий Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации

В рамках данной работы анализируются проблемы отграничения угрозы совершения террористического акта от заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Обобщаются признаки, позволяющие разграничить указанные составы преступлений, что является проблемой в правоприменительной практике.

Ключевые слова: заведомо ложное сообщение об акте терроризма, угроза совершения террористического акта, проблемы отграничения.

На сегодняшний день, как и на протяжении последних десятилетий, одной из основных угроз как России, так и всего мирового сообщества является терроризм. Террористическая деятельность угрожает самым основам безопасного существования общества и государства.

Как неоднократно отмечалось на самом высоком уровне как Президентом Российской Федерации, так и руководителями правоохранительных органов, борьба с преступлениями террористической направленности является одним из приоритетных направлений борьбы с преступностью в Российской Федерации.

Так, согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, прирост зарегистрированных преступлений за последние десять лет (в период с 2011 по 2020 год) составил 277%, при этом обеспокоенность вызывает и тенденция к постоянному увеличению такого рода преступлений, так, в 2019 году прирост зарегистрированных преступлений составил 7,6% по сравнению с 2018 годом, в 2020 году эта цифра возросла до 29,7%, а за период январь-июль 2021 года рост количества зарегистрированных преступлений террористической направленности зафиксирован на уровне более чем 2%,

в сравнении с показателями за аналогичный период прошлого года [1].

Озвученные выше показатели и их анализ позволяет говорить о том, что государство должно быть готово в любой момент адекватно противодействовать террористической деятельности, в том числе с использованием уголовно-правовых средств. Однако, как показывает изучение литературы и научных исследований, а также судебная практика, при квалификации ряда преступлений террористической направленности могут возникать проблемы с их разграничением, что, несомненно, может отразиться на противодействии террористической деятельности, в том числе, в справедливом и законном привлечении виновных к уголовной ответственности.

Так, вопросы, связанные с квалификацией преступлений террористической направленности, возникают при разграничении угрозы совершения террористического акта и заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Анализируя виды и размер наказаний, которые предусмотрены Уголовным кодексом Российской Федерации (далее по тексту — Уголовный кодекс, УК РФ) за совершение этих деяний, становится понятно, что правильная квалификация в данном случае имеет важнейшее значение.

Как угроза совершения террористического акта, так и заведомо ложное сообщение об акте терроризма представляют собой два самостоятельных состава преступления, которые, однако, имеют целый ряд общих признаков состава преступления, что, несомненно, влечет определенные трудности при их разграничении.

Часть 1 статьи 205 УК РФ в том числе предусматривает ответственность за угрозу совершения взрыва, поджога, устройство аварий на объектах жизнеобеспечения, разрушение транспортных коммуникаций, а также иных действий, которые устрашают население и создают опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба или наступление иных тяжких последствий [2, с. 32].

В свою очередь статья 207 УК РФ предусматривает ответственность за заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий [Там же, с. 65]. Обязательными признаками для данного состава преступления, отражающими субъективную сторону, среди прочих, являются мотив (хулиганские побуждения) или цель (дестабилизация деятельности органов государственной власти).

По нашему мнению, чтобы выделить признаки, которые позволят отграничить заведомо ложное сообщение об акте терроризма и угрозу совершения террористического акта, необходимо в отдельности рассмотреть их субъективные и объективные признаки, после чего произвести сравнительный анализ.

Рассматривая объективные и субъективные признаки угрозы совершения террористического акта, можно от-

метить следующее: объектом данного деяния выступают общественные отношения в сфере охраны общественной безопасности, кроме того, дополнительным объектом может выступать нормальное функционирование органов государственной власти, учреждений и организаций, собственность, жизнь и здоровье человека. Объективная сторона преступления — общественно-опасное деяние в форме действия в виде угрозы совершения взрыва, поджога, а также совершение иных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 205 УК РФ. Применительно к статье 205 УК РФ способ совершения общественно-опасного деяния никакого значения для квалификации не имеет — это может быть открытое или анонимное, устное или письменное сообщение, высказанное при помощи различных средств связи (мобильный телефон, персональный компьютер, публикация в средствах массовой информации, передача через организатора распространения информации в сети «Интернет» и т. п.) По законодательной конструкции состав — формальный, преступление окончено с момента совершения общественно-опасного деяния. Субъективная сторона преступления выражена виной в форме прямого умысла. Обязательным признаком субъективной стороны является цель, которой является воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями. Субъектом данного преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста четырнадцати лет. Какие-либо квалифицирующие признаки, которые предусмотрены в частях 2–3 ст. 205 Уголовного кодекса в рамках данной работы считаю рассматривать нецелесообразным, поскольку они какого-то существенного значения для отграничения этих двух составов, которые исследуются в данной работе, не имеют.

В свою очередь для заведомо ложного сообщения об акте терроризма характерны следующие признаки: объект преступного посягательства, в том числе дополнительный, аналогичен тому, который рассматривался выше в рамках анализа объекта посягательства угрозы совершения террористического акта. Объективная сторона преступления — совершение общественно-опасного деяния в форме действия в виде заведомо ложного сообщения о готовящемся акте терроризма, т. е. совершении взрыва, поджога и т. п. Способ совершения общественно-опасного деяния также может быть различен и никак не влияет на квалификацию. Вид состава по законодательной конструкции — формальный, т. е. в его объективную сторону входит лишь деяние, и преступление признается оконченным независимо от наступления последствий. Субъективная сторона данного преступления выражена в форме прямого умысла, кроме того, обязательным является такой признак, как заведомость. Говоря о субъективной стороне данного состава, необходимо отметить цель (дестабилизация деятельности органов власти) и мотив (хулиганские побуждения) — это те признаки, которые имеют ключевое значение для того, чтобы отграничить один состав от другого. Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, до-

стигшее возраста четырнадцати лет. Иные квалифицирующие признаки, которые предусмотрены в частях 2 и 4 статьи 207 Уголовного кодекса, влияние на отграничение рассматриваемых составов не оказывают.

Анализируя признаки рассматриваемых в работе составов, можно сделать вывод, что эти два состава преступления очень схожи друг с другом — в какой-то степени схоже общественно-опасное деяние — это сообщение о готовящемся совершении террористического акта, аналогичен объект преступного посягательства, способ совершения преступления, вид состава по законодательной конструкции, форма вины и субъект преступления.

Несомненно, отличные признаки двух этих составов позволяют их отграничивать, как видно из анализа — это мотив (применительно к заведомо ложному сообщению об акте терроризма — хулиганские побуждения), цель (для угрозы совершения террористического акта — воздействие на принятие решений органами власти или международными организациями; для заведомо ложного сообщения об акте терроризма, как квалифицирующий признак, — дестабилизация деятельности органов государственной власти).

Но вопреки тому, что качественный анализ рассматриваемых составов преступлений позволяет их отграничивать друг от друга, в следственной и судебной практике возникают с этим сложности — следственные органы дают порой излишне суровую квалификацию. В подтверждение своих слов приведем пример: Волгоградским областным судом был вынесен обвинительный приговор в отношении С. А. П. за совершение следующего деяния: С. А. П., используя свой персональный компьютер и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» зашел на официальный портал Президента Российской Федерации, где оставил обращение. В обращении среди прочего им была высказана угроза совершения взрыва в одном из государственных органов городского округа. Данное деяние следственные органы квалифицировали как преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205 УК РФ.

Во время проведения судебного заседания часть опрошенных свидетелей указали на то, что при получении данного сообщения они не смогли сделать вывод о реальности угрозы совершения взрыва. Суд, решая вопрос о переквалификации на статью 207 Уголовного кодекса, пришел к выводу, что С. А. П. не имел реальных намерений осуществить указанную угрозу, в результате чего С. А. П. был признан виновным за совершение заведомо ложного сообщения об акте терроризма, а не за угрозу совершения террористического акта, как изначально деяние было квалифицировано следствием [3].

В связи с вышесказанным, анализируя работы по данной теме исследования, а также труды известных авторов, таких как В. М. Лебедев, важно отметить еще один признак, который в теории позволяет отграничивать эти два состава преступления — реальность, т. е. «угроза совершения взрыва, поджога или иных действий должна вызвать у населения и у власти обоснованное опасения ее реального осуществления» [4, с. 25].

О том, что наличие «реальной возможности причинения вреда путем совершения взрыва, поджога и др.» является важнейшим признаком разграничения рассматриваемых в работе составов преступлений, отмечают и в специальных исследованиях, посвященных этой теме [5, с. 175].

Таким образом, можно сделать вывод, что элементами, благодаря которым можно отграничить угрозу совершения террористического акта от заведомо ложного сообщения об акте терроризма, являются признаки субъективной стороны — мотив и цель. При этом, по нашему мнению, стоит согласиться с теми исследователями, которые предлагают включить в законодательную конструкцию статьи 205 УК РФ признак «реальности угрозы осуществления террористического акта». Это позволит не только исключить ошибки при квалификации, но и упростит работу правоприменителя при расследовании преступлений террористической направленности, что позволит повысить эффективность борьбы с терроризмом в целом.

Литература:

1. Статистические данные ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://xn-b1aew.xn-p1ai/dejatelnost/statistics>. (Дата обращения: 15.10.2021).
2. Уголовное право. Особенная часть: преступления против общественной безопасности и общественного порядка: учебник для вузов / под общей редакцией В. И. Гладких, А. К. Есяна. М.: Юрайт, 2021. 352 с.
3. Приговор Волгоградского областного суда от 24 марта 2011 года [Электронный ресурс]. URL: <http://old.xn-90afdbaav0bd1afybeub5d.xn-p1ai/bsr/case/125453>. (Дата обращения: 16.10.2021).
4. Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 3. Особенная часть. Раздел IX. М.: Юрайт, 2021. 298 с.
5. Овчаренко А. А. Проблемы разграничения угрозы совершения террористического акта от заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 1 (34). С. 173–175.

Социальная адаптация лиц, освобождённых из мест лишения свободы актом об амнистии

Пестерева Юлия Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент;

Носкова Дарина Петровна, студент

Сибирский юридический университет (г. Омск)

Авторы рассматривают проблемные вопросы социализации лиц, освобождённых из мест лишения свободы актом об амнистии.

Ключевые слова: место лишения свободы, амнистия, освобождение, социальная адаптация.

Одним из факторов криминализации общества является освобождение из мест лишения свободы лиц, преступивших черту закона, в особенности, амнистированных. Данный процесс обуславливается некоторой «спонтанностью» применения амнистии, в отношении которой закон не устанавливает четких ограничений, поскольку каждый акт об амнистии предусматривает отдельные критерии отбора лиц, освобождаемых от наказания [7, с. 21]. По-иному дела обстоят с институтом помилования, применение которого включает в себя полное и точное исследование и оценку совокупности обстоятельств, существенных для рассмотрения дела, таких как степень общественной опасности и характер деяния, поведение осужденного во время отбывания наказания, срок отбытого наказания и многие другие. Наличие обширного перечня обязательных требований к лицу, подающему ходатайство о помиловании, позволяет принять в его отношении законное и обоснованное решение.

Амнистия же, напротив, преподносится как нежелательный процесс, поскольку лицо, совершившее общественно опасное деяние, посредством вынесения соответствующего акта избегает заслуженного наказания [4, с. 41]. Мнение учёных на этот счёт однозначное: наказание утрачивает свои качества как мера исправления осужденного и как мера предупреждения совершения новых преступлений [1]. Иными словами, зачастую осужденный воспринимает амнистию как гарантию «прощения» совершённого им преступления.

Развивая данную проблему, приходим к выводу о том, что стоящий во главе применения института амнистии принцип гуманизма зачастую распространяется лишь на осужденных [6, с. 1]. При этом так же важно учитывать состояние населения и уровень преступности, который может подняться в связи с применением акта об амнистии. Для предупреждения подобных ситуаций при принятии решения о вынесении соответствующего акта, необходимо проведение анализа состояния общества, а также анализа уровня исправления осужденного, его адаптации в социуме и выполнения требований относительно соблюдения правопорядка. Без проведения подобных процедур применение амнистии невозможно считать эффективным, поскольку фактическое освобождение осужденного не отражает результатов исправления и готовности или неготовности к полноценной жизни в социуме.

Постепенно опыт применения институтов освобождения от наказания преобразовался в систему соци-

альной адаптации, позволяющую лицам, вновь вступающим в жизнь общества, восстановить утраченные социальные связи, необходимые для нормальной жизни любого человека.

На адаптацию такого лица в социуме влияют, как правило, утрата связи с обществом, а именно длительное отсутствие контакта с родными и близкими. Кроме того, возникают проблемы в сфере трудоустройства, быта, жилищного устройства, освоения новых профессий, осуществления своих законных прав и интересов. Длительное отсутствие возможности трудоустройства означает отсутствие финансовой подушки на период, необходимый для адаптации. Кроме того, лицо нуждается не только в финансовой, но и психологической помощи. Следовательно, падает социальная активность лица, что зачастую приводит к рецидиву преступлений [8].

Для предупреждения подобных последствий, с начала заключения лица, необходимо предпринять меры к его исправлению, а также поддержанию связей с учреждениями, содействующими осуществлению комфортной адаптации в обществе после освобождения. Уголовно-исполнительное законодательство РФ возлагает обязательства по трудовому и бытовому устройству лиц, освобождаемых от отбывания наказания, работу с психологами, а также проведению консультаций для решения вопросов, относящихся к компетенции социальных служб, на администрацию исправительного учреждения [2].

Законодательство определяет срок начала подготовки осуждённого к освобождению — 6 месяцев (для осуждённых на срок более 6 месяцев) [3]. Однако для того, чтобы осуждённый вошёл в стадию исправления, являющуюся целью отбывания наказания, воспитательные работы необходимо проводить незамедлительно. Причина необходимости введения данного правила — принятие лицом пассивной позиции вследствие длительной изоляции в местах лишения свободы. Такое нововведение минимизирует возможные негативные последствия и обеспечивает положительное влияние на осужденных.

Применение указанной нормы может регулировать случаи, когда осуждённые, не имевшие постоянного места жительства или работы, отказываются от трудового и бытового устройства после освобождения из мест лишения свободы. Предполагается, что срок начала подготовки заключённого к освобождению должен превышать срок, установленный законом. Такая мера необходима для при-

нятия мер к наиболее положительному решению вопросов относительно социализации осуждённого.

Вопрос трудоустройства особенно важен. Лицу необходимо заранее определиться с возможной областью трудоустройства. Большая часть вышедших на свободу лиц — это трудоспособные граждане, однако приём на работу таких лиц весьма затруднителен ввиду политики компаний. Это является ещё одной причиной повышения срока подготовки к освобождению.

Аналогичную поправку необходимо внести в нормы, касающиеся лиц с расстройством здоровья, и людей, достигших пенсионного возраста. В этом случае срок предоставления документов уменьшается в 3 раза, что является недостаточным для решения необходимых вопросов относительно благоустройства таких лиц. Зачастую люди в таком возрасте лишаются поддержки со стороны родственников, что приводит к необходимости поиска места жительства. Как правило, с помощью социальных служб, освободившиеся лица отправляются в дома престарелых.

Среди лиц, освобождённых из мест лишения свободы, определенную долю составляют несовершеннолетние граждане. По общему правилу несовершеннолетние осуждённые направляются по месту жительства родственников либо иных лиц. Однако, в случае неблагоприятной обстановки в семье амнистируемого, которая может вызвать повторное совершение преступления, он направляется в школу-интернат, другое учебно-воспитательное учреждение на государственное попечение либо передан органам опеки и попечительства [5].

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 29.11.2021).
2. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 11.06.2021). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/7d4b23ec2ffc620d3f6ae6099e88ff4f2d042184/ (дата обращения: 29.11.2021).
3. Приказ Минюста России от 13.01.2006 N 2 (ред. от 26.12.2019) «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 30.01.2006 N 7426). — Текст: электронный // Консультант Плюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58112/ (дата обращения: 29.11.2021).
4. Бочарникова, Л. Н. Проблемы реализации права на амнистию и помилование в российском законодательстве / Л. Н. Бочарникова, А. И. Бельский. — Текст: непосредственный // Вестник Белгородского юридического института МВД России. — 2012. — № 1. — С. 40–43.
5. Марков, В. П. О принципах ресоциализации несовершеннолетних осужденных к лишению свободы / В. П. Марков. — Текст: непосредственный // Вестник Самарского государственного университета. — 2013. — № 8/1. — С. 19–26.
6. Ключков, А. Е. Институт амнистии как воплощение принципа гуманизма в рамках правового государства / А. Е. Ключков, С. В. Стрыгина. — Текст: непосредственный // Новый университет. Серия «Экономика и право». — 2015. — № 5. — С. 1–3.
7. Скуратов, Ю. И. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия / Ю. И. Скуратов, С. Н. Чурилов, Н. С. Грудинин. — Текст: непосредственный // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — № 1. — С. 20–27.

Отсутствие опеки взрослых и отсутствие жилья усугубляется отсутствием возможности устроиться на работу без помощи органов социальной защиты. Следовательно, к социализации несовершеннолетнего необходимо подходить наиболее ответственно, задействовав при этом все имеющиеся возможности. Необходимо обязательное проведение бесед с психологами, педагогами, социальными работниками. Также в подобных ситуациях следует быть юридически подкованными в вопросах получения работы, жилья и других благ по достижению восемнадцатилетнего возраста. Если несовершеннолетний попадает в школу-интернат либо другое заведение, необходимо озаботиться и его бытовой грамотностью.

Рассмотрев проблемы социализации различных групп лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, автор приходит к выводу о необходимости пересмотра актов законодательства относительно сроков подготовки к освобождению. Считает, что с точки зрения исполнения наказания и достижения его цели, а именно, исправления осуждённого и предотвращения рецидива преступлений, необходимо увеличение сроков работы с такими лицами и усовершенствование программ социальной адаптации. В первую очередь законодателю следует обратить внимание на проблему несовершеннолетних, которые не могут позаботиться о себе в полной мере.

Увеличение сроков необходимо также для приобретения и восстановления бытовых, социальных, трудовых навыков для успешной адаптации и возвращения в общество.

8. Выжutowич, В. Жизнь после тюрьмы / В. Выжutowич. — Текст: электронный // Российская газета: [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2020/09/08/kak-adaptirovat-k-obychnoj-zhizni-byvshego-osuzhdennogo.html> (дата обращения: 29.11.2021).

Действие принципов уголовного процессуального права на стадиях уголовного судопроизводства

Садовников Алексей Вячеславович, студент
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье рассматривается система принципов уголовно-процессуального права, актуальность действующей системы принципов, рассматривается вопрос изменения системы принципов уголовного процесса для реализации основных задач уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: уголовное процессуальное право, стадия, принцип, система принципов, государство.

The action of the principles of criminal procedural law at the stages of criminal proceedings

Sadovnikov Alexey, student
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA)

In the article examines the system of principles of criminal procedure law, the relevance of the current system of principles, considers the issue of changing the system of principles of criminal procedure for the implementation of the main tasks of criminal procedural activity.

Key words: criminal procedural law, stage, principle, system of principles, state.

Принципы уголовного процесса объективны по своему содержанию. Они определяются экономическими, политическими и социальными аспектами, которые существуют в обществе и отражают уровень демократизации государства на сегодняшний день.

Принципы носят нормативно-определенный, предписывающий характер. Конституционное закрепление принципов уголовного процессуального права по своей сути носят повелительный и общеобязывающий характер. Они содержат нормативно определенные правила поведения, исполнение которых обеспечивается всем арсеналом правовых средств.

Именно принципы определяют систему построения уголовного судопроизводства, его важнейшие институты, а также выступают в качестве гарантий обеспечивающих права участников процесса, решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством.

По мнению Роганова С. А., Логунова О. В., уголовно-процессуальные принципы — это юридически оформленные руководящие положения, закрепляющие наиболее общие и существенные свойства уголовного процесса [1, с. 60]. Они определяют правила уголовно-процессуальную деятельность в целом.

Также существует подход, согласно которому система принципов формируется для каждой стадии процесса отдельно, и не характерны для всей уголовно — процессуальной деятельности.

Система принципов не есть что-то новое в сфере процессуального права, она существует со времен принятия устава уголовного судопроизводства в 1864 году. Например, обратившись советскому процессуальному праву, можно находить принцип личной ответственности, раскрытый Келиной С. Г. как современный принцип презумпции невиновности [2].

В рамках конституционного принципа охраны прав и свобод человека непосредственно и осуществляется реагирование на сообщение о преступлении [3].

По мнению Комаровой Л. Р. проверку сообщения о преступлении в российском уголовном праве можно рассматривать как стадию уголовного процесса. Именно с проверки сообщения о преступлении начинается реализация уголовно-процессуальных принципов [4, с. 283].

Для доказательства данной точки зрения необходимо отметить, что при проверке сообщения сотрудники компетентных органов, в частности сотрудники органов внутренних дел, с момента регистрации в книге учета сообщений о преступлении начинают свое взаимодействие с такими уголовно-правовыми принципами как: презумпция невиновности, неприкосновенность личности, охрана прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, важно проследить как реализуются принципы на всех стадиях уголовного судопроизводства с учетом особенностей отношений, складывающихся на каждой из стадий.

Невозможно не поддержать точку зрения С. С. Безрукова, который считает, что большинство обозначенных в уголовно-процессуальном кодексе принципов, не способны одновременно влиять на все этапы производства по уголовному делу [5, с. 207].

Если рассматривать сообщение о преступлении в качестве одной из стадий уголовного судопроизводства, неактуальны будут такие принципы как свобода оценки доказательств и право на обжалование процессуальных действий.

Принцип свободы оценки доказательства, утвержденный законодателем в ст. 17 УПК РФ, а также он непосредственно сочетается со ст. 74 УПК РФ, в которой дан исчерпывающий список допустимых доказательств, это: показания подозреваемого, обвиняемого, показания потерпевшего, свидетеля, заключение и показания эксперта, заключение и показания специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы.

К примеру, статьей 80 УПК РФ определено, что заключение эксперта — представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами [6]. То есть, законодатель утверждает, что экспертизу назначает лицо, которое ведет производство — следователь, дознаватель, из этого следует, что дело находится на стадии предварительного расследования.

Становится ясно — принцип свободы оценки доказательства не характерен для стадии возбуждения уголовного дела, так как на данном этапе происходит установление признаков преступления по делу, включающая деятельность специально уполномоченных субъектов по приему, регистрации и проверке информации.

В качестве второго примера необходимо рассмотреть принцип права на обжалование процессуальных действий и решений, закрепленного в ст. 19 УПК РФ. Законодательно предусмотрено определение процессуальных действий в п. 32 ст. 5 УПК РФ: «процессуальное действие — следственное, судебное или иное действие,

предусмотренное настоящим Кодексом», которое согласно ст. 123 УПК РФ включает право на обжалование действий, решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда.

На данном примере также отображено отношение принципа права на обжалование процессуальных действий к следующим процессуальным стадиям — предварительное расследование, судебное разбирательство, возобновление производства ввиду новых обстоятельств, и не распространяется на стадию возбуждения уголовного дела, где проверяется информация о наличии (отсутствии) состава преступления.

Исходя из данной концепции, согласно позиции, обозначенной Безруковым С. С. можно согласиться с Насоновым С. А., который считает, что не все принципы уголовного судопроизводства действуют на всех стадиях, поскольку пределы действия принципа определяются конкретными задачами отдельных стадий уголовного процесса [7, с. 175].

Согласно мнению правоведов уголовно-правовые принципы предназначены для защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений. Безруков С. С. отмечает, что специалисты в области уголовно-процессуального права не раз упрекали советского законодателя за первостепенное наказание лиц, виновных в совершении преступлений [8, с. 14]. В данной ситуации, по мнению С. С. Безрукова, интересы потерпевших носили второстепенный характер. Изменить подход должна была Конституция Российской Федерации, а также уголовно-процессуальное законодательство, разработанное на ее основе.

Также о необходимости «одухотворения УПК РФ» утверждает профессор Победкин А. В. [9, с. 49]. Обновление, по мнению А. В. Победкина, должно исходить из «нравственного характера, чуждого для каждого института», то есть отталкиваясь от того, что принцип — основа, первоначало, можно утверждать, что у каждой стадии уголовного процесса для достижения защиты личности и общества должна быть своя основа [10].

Литература:

1. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э. К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф. В. П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019—583 с. — (Серия: «Учебники для вузов, специальная литература»). [Электронный ресурс]. — URL: <https://be5.biz/pravo/u034/3.html#1> (29.10.2021)
2. Принципы советского уголовного права — С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.adhdportal.com/book_1671.html (12.11.2021)
3. Конституции Российской Федерации. Ст. 17. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/d94e831070f1b26a082b3517d51e9e4c348fc419/ (11.11.2021)
4. Комарова Л. П. Проверка сообщения о преступлении — первоначальная стадия уголовного судопроизводства. // Актуальные проблемы экономики и права. — 2014. — № 1. С. 283–288 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proverka-soobscheniya-o-prestuplenii-pervonachalnaya-stadiya-ugolovnogodoproduzvodstva/viewer> (16.11.2021)
5. Безруков С. С. Реализация принципов уголовного судопроизводства до и после судебного разбирательства // Вестник Пермского университета. — 2011. — № 3. С. 207–213 [Электронный ресурс]. — URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipov-ugolovnogo-sudoproizvodstva-do-i-posle-sudebnogo-razbiratelstva/viewer (15.11.2021)

6. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (17.11.2021)
7. Уголовно — процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Лупинская П. А. М.: Юристъ, 2003. 797 с.
8. Безруков С. С. Неразрешенные идеологические противоречия в соотношении назначения и принципов уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. — 2018. — № 1. С. 12–17. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nerazreshennye-ideologicheskie-protivorechiya-v-sootnoshenii-naznacheniya-i-printsipov-ugolovnogo-sudoproizvodstva/viewer> (16.11.2021)
9. Победкин А. В. Как одухотворить уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации? // Вестник экономической безопасности. — 2016. — № 5. С. 49–54 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-oduhotvorit-ugolovno-protsessualnyy-kodeks-rossiyskoj-federatsii/viewer> (17.11.2021)
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma342822.htm?cmd=0&istext=1> (17.11.2021)

Актуальные вопросы реализации принципов уголовного закона

Тарасенко Виталий Викторович, преподаватель;

Дубинцова Дарья Геннадьевна, студент

Центральный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Воронеж)

В статье рассмотрены основные принципы уголовного закона, отраженные в Уголовном кодексе РФ, дана их характеристика. Изучается вопрос о соотношении принципов уголовного закона друг с другом, об их взаимосвязи с положениями иных отраслей права.

Ключевые слова: *принципы уголовного закона, уголовный закон, Уголовный кодекс РФ, уголовное право, уголовно-правовые нормы.*

Принципы, закрепленные в нормах уголовного права, а именно в ст. ст. 3–7 Уголовной кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ), являются основополагающими идеями, определяющими в целом содержание уголовного права и его отдельных институтов, в частности. При помощи принципов уголовного права происходит конструирование уголовных законов, они являются фундаментом системы уголовного права, а также на их основе осуществляется уголовно-правовое регулирование.

Принципы уголовного права подразделяются на несколько групп: свойственные в целом праву принципы — общетеоретические или общеправовые, свойственные отдельной отрасли права принципы — отраслевые и принципы, свойственные двум и более отраслям права одновременно — межотраслевые [7, с. 176].

На законодательном уровне с 1996 года в уголовном кодексе РФ закреплены следующие принципы уголовного права:

1. Принцип законности, который закреплен статьей 3 УК РФ, являющийся конституционным;
2. Принцип равенства граждан перед законом, отраженный в ст. 4 УК РФ, так же являющийся конституционным принципом;
3. Ст. 5 УК РФ — принцип вины, который относится к отраслевым принципам;

4. Принцип справедливости (ст. 6 УК РФ), являющийся общеправовым принципом;

5. Принцип гуманизма, закрепленный в ст. 7 УК РФ и относящийся к общеправовым принципам [6, с. 372].

Наиболее важную роль в уголовно-правовой борьбе с преступностью, представляется, играет принцип законности, отражающийся как в УК РФ, так и в ряде конституционных положений. Принцип законности предполагает, что любое преступное действие, его наказуемость и иные последствия уголовно-правового характера определяются строго в соответствии с УК РФ. Тем не менее, при наличии расхождений в положениях Конституции РФ и УК РФ, прямое действие имеют положения Конституции РФ. Также принцип законности подразумевает соответствие уголовных законов реальной социально-политической и экономической ситуации российского общества, что делаем соответствующие законы социально обусловленными. Принцип законности предполагает наступление уголовной ответственности в точном соответствии действующему законодательству, то есть невозможность привлечения к уголовной ответственности за непредусмотренные прямо в уголовном законодательстве действия.

Принцип законности подразумевает, что только Федеральное законодательство РФ может принимать нормы уголовного права и их точное соответствие

Конституции РФ и положениям вступивших в силу в России международных договоров. Принцип законности полностью исключает отражение уголовно-правовых норм в каких-либо иных нормативно-правовых актах, за исключением УК РФ, посредством полном кодификации. Данный принцип применяется ко всем лицам, прибывающим на территорию РФ и для правоприменительных органов в том числе. Принцип законности отражает законодательные инструкции ясно и четко, исключая возможность их неправильного или неоднозначного понимания и применения, а так же не допускает применение аналогичной уголовно-правовой нормы к деяниям, которые сходны с преступлениями, отраженными в одной из статей УК РФ.

Конкретизация статьи 19 Конституции РФ о лицах, совершивших преступление, находит свое отражение в принципе равенства граждан перед законом. Данный принцип предполагает распространение действующего закона в равной степени на всех лиц, совершивших преступное деяние на территории России и за ее пределами, в случаях, прямо предусмотренных Уголовным кодексом РФ (ст. 12).

Данный принцип означает равную степень оснований криминализации и декриминализации по присущей им степени общественной опасности криминальных деяний, вне зависимости от субъективных характеристик лиц, совершивших преступление. К таким характеристикам относятся служебное и материальное положение лиц совершивших преступление, их раса, половая принадлежность, национальность, вероисповедание и т. д.. Криминализация и наказуемость должны быть равными для всех субъектов правоотношений, что и выражает сущность настоящего принципа уголовного права.

Наиболее важную роль в уголовном праве играет принцип вины, определяющий субъективные возможности принятия решения о том или ином варианте поведения индивидом и объективно-субъективные возможности назначения меры наказания, определенной степени жестокости в отношении виновного лица. Данный принцип является основой назначения справедливого наказания, применения иных уголовно-правовых мер и уголовно-процессуальной репрессии, применения норм об освобождении от уголовной ответственности или наказания. Важнейшее для уголовно-правоприменительной практики РФ положение уголовного закона о принципе вины гласит, что уголовной ответственности подлежат только те лица, чья вина установлена в отношении общественно опасных действий (бездействий) и наступивших общественно опасных последствий. В отношении лиц, чья вина в нанесении вреда не установлена, не допускается применение уголовной ответственности [9, с. 605].

Наступление уголовной ответственности, в содержании принципа вины, предполагает наличие определенного психологического отношения лица к совершенным им действиям (бездействиям), являющимися общественно опасными и причиняющими вред интересам личности, общества или государства. Форма и степень

вины влияют на квалификацию преступления и уровень наказания. Неумышленное нанесение вреда, вне зависимости от значительности последствий, не должно повлечь уголовной ответственности.

Следующим принципом, нашедшим отражение в УК РФ, является принцип справедливости. Данный принцип подразумевает применение наказания в отношении виновного лица, учитывая характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения, личности подсудимого. Личностные характеристики учитывают его поведение до совершения преступного деяния, заслуги, возможную пользу для государственного благополучия в силу каких-либо особых возможностей субъекта, его постпреступное поведение. Так же, принцип справедливости предполагает, что никто не может быть судим за одно и то же преступление дважды.

Обязанность неукоснительного соблюдения и правильного использования принципа справедливости возлагается на законодателя, определяющего вид наказания, его минимальный и максимальный размер в отношении виновного лица и на суд, который обязан при назначении наказания руководствоваться только объективными фактами оценки совершенного преступления и личностью подсудимого, не руководствуясь при этом эмоциями и личным отношением.

Последним, рассматриваемым в данной статье принципом УК РФ, является принцип гуманизма, который предполагает признание обвиняемого в совершении преступления, в первую очередь, как личность, уважение по отношению к нему со стороны государственных органов, в том числе сотрудников правоохранительных органов, его интересам и особенностям, непредвзятое отношение, обеспечивающее безопасность человека.

Принцип гуманизма, обеспечивает защиту прав и интересов лиц, совершивших криминальные деяния, закрепленных в нормативных правовых актах, его безопасность и человеческое отношение. При этом защита самих общественных отношений обеспечивается сдерживающим влиянием на неустойчивых членов общества, выявлением и предотвращением преступлений, а также установлением уголовной ответственности. В свою очередь, применение принципа гуманизма по отношению к лицам, совершившим преступное деяние, отражается в обеспечении прав человека, преступившего закон, невозможности применения к ним любого вида физического и эмоционального насилия [3, с. 82].

Также принцип гуманизма в уголовном праве находит отражение в применении более мягких наказаний в отношении несовершеннолетних лиц, в праве на условное осуждение или условно-досрочное освобождение, уголовно-правовых институтах амнистии и помилования.

Возможность полного досрочного освобождения или смягчения наказания по мере исправления заключенного, является важным фактором реализации принципа гуманизма, так как основной целью уголовного наказания не является возмездие государственного аппарата

за причиненное заключенным зло, а исправление и раскаяние виновного. Поэтому, достижение главной цели уголовного наказания раньше срока, должно поощряться в соответствии с гуманистическими идеями современного российского общества и правового государства.

Рассмотренные принципы уголовного права образуют тесную взаимосвязь и являются целостной системой, направленной на защиту гражданских и общественных интересов наиболее надежным образом.

Декларирование принципов уголовного права в УК РФ повышает их значение и гарантирует общий подход федерального законодателя к применению уголовно-правовых запретов, создавая единое направление правоприменительной деятельности.

Принципы, представляя собой основополагающие начала, фундамент норм, составляющих любой закон, требуют корректной интерпретации [4, с. 192]. При построении юридических норм их положения должны анализироваться всесторонне, через призму всех принципов.

Уголовный закон, как оговаривалось ранее, построен на пяти основных принципах: законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма. Эти принципы составляют основу уголовного закона. Положения норм Общей и Особенной частей УК РФ должны безусловно коррелировать с перечисленными принципами [5, с. 12]. Однако соответствие отдельных положений УК РФ принципам уголовного закона в ряде случаев, по нашему мнению, представляется спорным.

Принцип законности предполагает, что уголовное наказание должно назначаться только за деяние, названное преступлением в законе, и только такое, которое предусмотрено законом.

Вторая часть ст. 3 УК РФ указывает на запрет применения уголовного закона по аналогии.

Запрет аналогии в свете учета судами разъяснений Пленума Верховного Суда РФ при вынесении решений представляется игнорируемым. Стремление к единообразию в судебной практике, на наш взгляд, приводит именно к аналогии применения закона. Бесспорно, общение судебной практики и рекомендации по квалификации, разъяснение сути терминов, используемых уголовным законом, — необходимый элемент правоприменительной деятельности, устраняющий спорные вопросы применения уголовного закона и вместе с тем избавляющий от необходимости внесения многочисленных изменений и дополнений в закон. Не преуменьшая значимости сложившейся судебной практики для последующего правоприменения, хотим отметить лишь необходимость отграничения аналогии закона в смысле гражданского права, когда имеющиеся в законе нормы применяются к ранее не существовавшим событиям от применения судебного прецедента. Единообразие применения судебной практики в полной мере отвечает сути другого принципа — справедливости. Вместе с тем хочется напомнить, что разъяснения даваемые Пленумом Верховного Суда РФ в своих постановлениях по уголовным делам, носят рекомендательный характер, а по-

тому отступление от этих разъяснений возможно. Однако указанные разъяснения судами часто возводятся в ранг нормы права, что противоречит принципу законности [13, с. 55].

Противоречие в соотношении принципов законности и справедливости продемонстрировано в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 КоАП РФ, пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в связи с жалобами граждан А. И. Заляутдинова, Н. Я. Исмагилова и О. В. Чередняк». Так, в соответствии с принципом законности, закон, ухудшающий положение виновного, не имеет обратной силы. В данном случае прослеживается взаимосвязь с принципом гуманизма. Вместе с тем в результате реализации данного положения нарушается принцип справедливости, поскольку преступник может избежать ответственности в принципе. Так, удалось избежать ответственности лицам, нанесяшим побои гражданам А. И. Заляутдинову, Н. Я. Исмагилову и О. В. Чередняк [10].

Нанесенные побои не соответствовали признакам, указанным в ст. 116 УК РФ после внесения изменений. Нанесение побоев по мотивам, не предусмотренным в диспозиции ст. 116 УК РФ, перестало признаваться преступлением после внесения изменений. В результате декриминализации к преступникам был применен новый, улучшающий их положение закон. Положение об обратной силе закона, закрепленное также в КоАП РФ, сделало невозможным вменение виновным ст. 6.1.1 КоАП РФ, ввиду того что такое изменение ухудшило положение виновных. Таким образом, привлечение виновных к уголовной или административной ответственности стало невозможным.

Противоречие относительно принципа равенства граждан перед законом выражается в ряде уголовно-правовых норм. Прежде всего, вызывает вопросы такое основание освобождения от уголовной ответственности, как уплата судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ). В соответствии с положениями УПК РФ судебный штраф назначается лицу, совершившему преступление, только в случае если такое лицо имеет возможность его оплатить. Представляется, что такая норма уголовного закона ставит в неравное положение граждан в зависимости от уровня их материальной обеспеченности. Объяснить подобное решение законодателя сложно и с позиций соблюдения иных принципов уголовного закона. Так, принцип справедливости, предполагающий соответствие меры уголовно-правового характера степени общественной опасности и характеру преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, слабо отражается в норме о судебном штрафе. Разумеется,

данные позиции учитываются в таких условиях, как совершение преступления впервые, небольшой или средней тяжести. Однако решающим обстоятельством выступает именно возможность оплатить судебный штраф [12, с. 91].

Введение судебного штрафа как мера расширения инструментария уголовно-правового воздействия, по нашему мнению, хотя и экономически обосновано, но не эффективно с точки зрения профилактики преступности. Так, если при деятельном раскаянии преступник заглаживает вред всеми доступными ему законными способами, при примирении с потерпевшим приносит извинения, демонстрирует свое сожаление о содеянном, то в ситуации уплаты судебного штрафа он просто (как бы цинично это ни звучало) покупает свободу.

Неочевидное противоречие имеется, также между ст. 4 УК РФ и ст. 11–13 УК РФ. Так, несмотря на то, что все равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от должностного положения, в соответствии с ч. 4 ст. 11 УК РФ вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права. Прежде всего, данное положение основывается на положениях Венской конвенции 1961 г. В соответствии с нормой ст. 31.1 данной конвенции, дипломатический агент полностью защищен от уголовной юрисдикции принимающего государства.

Не оспаривая указанное положение международного законодательства и реальную необходимость защиты данной категории лиц, предлагаем лишь скорректировать формулировку ст. 4 УК РФ, указав в ней на применение положений уголовного закона к лицам, обладающим иммунитетом, в особом порядке.

Принцип равенства всех перед законом, по нашему мнению, нарушается и существующим в ч. 2 ст. 105 УК РФ квалифицирующим признаком, предусмотренным п. «е¹» «по мотиву кровной мести». Сам по себе квалифицирующий признак не противоречит положениям закона и принципу равенства, однако практика его применения свидетельствует об обратном. Дополнение уголовного закона таким квалифицирующим признаком обосновывалось необходимостью искоренения обычая, не вписывающегося в моральные, нравственные и правовые нормы современного государства.

М. В. Задворнов и А. А. Даурбеков абсолютно верно обращают внимание на то, что «кровная месть может вызвать за собой целую цепь убийств, чем определяется особый характер общественной опасности рассматриваемых преступлений». Кроме того, причина криминализации убийства по мотивам кровной мести заключается в том, что в ее основе лежит взгляд на обычай кровной мести как на некий пережиток родоплеменного быта. Придавая данному мотиву квалифицирующее значение, публичная власть видит в нем высокую степень общественной опасности, состоящую не в криминоген-

ности данного обычая, а именно в том, что мстители по данному обычаю брали на себя функцию правосудия [2, с. 11].

Согласимся с авторами в их аргументации, вместе с тем подчеркнем явное противоречие данного квалифицирующего признака принципу равенства. Согласно толкованию данной нормы и сложившейся практике ее применения к уголовной ответственности по п. «е¹» могут быть привлечены только лица, принадлежащие к той народности, где распространен обычай кровной мести. В то же время лица, совершившие убийство по мотиву кровной мести, но не входящие в требуемую группу, несут ответственность по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Полагаем, такое неравноправие недопустимо. Несмотря на то что обычай кровной мести присущ определенным народностям, это не исключает его одобрения и поддержания отдельными семьями иных народностей и ровно такие же неблагоприятные последствия. В связи с этим считаем целесообразным без изменения редакции пункта скорректировать практику его применения безотносительно к лицам конкретной национальности [11, с. 267].

Практически вся группа преступлений в сфере экономической деятельности содержит положения, не сочетающиеся с принципом равенства. Этот факт подтверждается и обоснованием либерализации ответственности за экономические преступления: в целях предоставления большей экономической свободы и развития экономики государства. Не станем опровергать данное утверждение, поскольку в данном случае данная дилемма схожа, наверное, с ситуацией обоснованного риска, являющегося по закону обстоятельством, исключающим преступность деяния. Однако не можем не отметить, что предприниматели в случае совершения преступления оказываются в более выгодном положении, нежели «простые граждане». Данный факт можно проследить на примере ст. 159 УК РФ (*прим. авт.*, ч. 1–4 в сравнении с чч. 5–7 относительно санкций). Интересен в этом отношении и подход законодателя к освобождению от уголовной ответственности лиц, совершивших налоговые преступления, в связи с возмещением ими ущерба. Так, ч. 1 ст. 76.1 УК РФ предполагает, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов в случае, если всего лишь возместит в казну государства сумму неуплаченных налогов в полном объеме. В сравнении с иными основаниями освобождения от уголовной ответственности подобное основание видится не справедливым, поскольку не требует дополнительного воздействия на лицо, подлежащее уголовной ответственности.

Принцип вины в формулировке, существующей на сегодняшний день, предполагает, что лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина [5, с. 197]. Из этого положения, предусмотренного ч. 1 ст. 5 УК РФ, выбивается утверждение о том, что штраф, назначенный несовершеннолетнему

осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия (ч. 2 ст. 88 УК РФ).

Завершая обзор противоречий между принципами уголовного права и отдельными положениями уголовного закона, следует отметить, что, пожалуй, единственным принципом, реализующимся в полной мере, является принцип гуманизма. Однако данное утверждение справедливо только с учетом моратория, наложенного на применение смертной казни. Если же следовать букве закона,

то п. «н» ст. 44 УК РФ противоречит ч. 2 ст. 7 УК РФ, поскольку смертная казнь как вид наказания причиняет физические страдания, имея своей целью физическое уничтожение человека для защиты общества.

В целом же, на наш взгляд, статьи уголовного закона о его основных принципах на сегодняшний день рационально не регулируют общественные отношения и поэтому, нуждаются в корректировке, а противоречащие им положения Общей и Особенной частей УК РФ — в исключении или изменении.

Литература:

1. Басенко О. С. Соотношение субъективного и объективного вменения // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. С. 103–106.
2. Брылев В. И., Станкевич К. К. Мотивы и цели квалифицированных составов убийства: п. «е1», п. «з», п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1–2. С. 10–16.
3. Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К. Защита прав личности в уголовном процессе России. Учебное пособие. — М.: Юрайт, 2017. — 234 с.
4. Степашин В. М. Понятие принципа уголовного права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1. С. 192–196.
5. Сумачев А. В. О принципах уголовного права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4. С. 8–15.
6. Уголовное право России. Части общая и особенная. Учебник. — М.: Проспект, 2016. — 1184 с.
7. Уголовное право. Том 1. Общая часть под редакцией А. Э. Жалинского. — М.: Городец, 2017. — 864 с.
8. Чуприн Д. А. Реализация принципа вины в современном уголовном праве России // Манускрипт. 2017. № 11. С. 196–198.
9. Энциклопедия уголовного права. Том 9. Назначение наказания. — М.: Издание профессора Малинина, 2016. — 912 с.
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 23-П // Рос. газ. 2019. 24 июня (№ 134) по делу о проверке конституционности части 1 статьи 1.7 и части 4 статьи 4.5 КоАП РФ, пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в связи с жалобами граждан А. И. Заляутдинова, Н. Я. Исмагилова и О. В. Чередняк».
11. Тарасенко В. В. Роль и значение уголовно-правовой фикции при конструировании принципов уголовного закона (на примере принципа равенства граждан перед законом ст. 4 УК РФ) // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 12 (180). — С. 267.
12. Тарасенко В. В. Уголовно-правовая презумпция в конструкции освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) // Экономика, бизнес и право в новых условиях: монография / Под общ. ред. Г. Ю. Гуляева — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». — 2019. — С. 91.
13. Тарасенко В. В. Уголовно-правовая презумпция как нетипичное средство правотворческой техники // Общество и право. — 2019 — № 3 (69). — С. 55.

К вопросу об источнике доказательств — электронные данные в уголовно-процессуальном кодексе Вьетнама 2015 года

Хуинь Хыу Тинь, преподаватель

Университет народной безопасности Министерства общественной безопасности Вьетнама (г. Хошимин, Вьетнам)

Нгуен Зуй Зунг, преподаватель

Университет имени Нгуен Тат Тхань (г. Хошимин, Вьетнам)

Уголовно-процессуальный кодекс Вьетнама 2015 г. (далее УПК Вьетнама 2015 г.), принятый XIII Национальным собранием на 10-й сессии 27 ноября 2015 г., включает 09 разделов, 36 глав и 510 статей и вступает в силу с 01.02.2016. Введение УПК Вьетнама 2015 г. имеет большое значение в практике возбуждения уголовного дела, расследования, судебного преследования и рассмотрения уголовных дел. Одним из нововведений является постановление о добавлении нового источника доказательств, которым являются электронные данные, в статье автор упоминает ряд вопросов, связанных с этим новым источником доказательств, и некоторые предложения.

Ключевые слова: электронные данные, доказательства, Уголовно-процессуальный кодекс Вьетнама 2015 г.

On the question of the source of electronic data evidence in the criminal procedure code of Vietnam 2015

The 2015 Criminal Procedure Code (CrPC 2015), adopted by the 13th National Assembly, 10th session, on November 27, 2015, consists of 09 sections, 36 chapters and 510 articles and takes effect from 01/07/2016. The introduction of the 2015 Criminal Procedure Code has great significance in the practice of prosecution, investigation, prosecution and adjudication of criminal cases. One of the outstanding new rules is the addition of new evidence sources, electronic data. This article is devoted to clarify some issues related to this new source of evidence, and therefore, makes some suggestions in relation with the amendment of the Criminal Procedure Code.

Keywords: electronic data, evidence, The 2015 Criminal Procedure Code.

1 Основы регулирования электронных данных как источника доказательств

По мнению авторов, добавление электронных данных в качестве источника доказательств абсолютно необходимо в связи с рядом правовых и практических вопросов, а именно:

С юридической точки зрения. Согласно положениям УК Вьетнама 1999 г. (с изм. и доп. в 2009 г. — далее УК Вьетнама 1999 г.) существует множество преступлений, связанных с областью информационных технологий и телекоммуникаций, таких как: Распространение вирусов, компьютерных программ с вредоносными функциями для работы компьютерных, телекоммуникационных сетей, интернет, цифровое оборудование (ст. 224); Создание препятствий или нарушение работы компьютерных, телекоммуникационных сетей, интернета, цифрового оборудования (ст. 225); Незаконная передача или использование информации в компьютерных, телекоммуникационных сетях и интернете (ст. 226); Незаконный доступ к компьютерным, телекоммуникационным сетям, интернету или цифровым устройствам чужих (ст. 226а) и Использование компьютерных, телекоммуникационных сетей, интернета или цифровых устройств для присвоения собственности (ст. 226б). Однако УПК Вьетнама 2003 г. не предусматривает, что электронные данные являются источником доказательств, ведущих к несоответствиям между содержимым и формальным законодательством.

Для решения этой проблемы на основании положений УК Вьетнама 1999 г., Совместного циркуляра № 10/2012/ТТЛТ-ВСА-ВQP-ВТР-ВТТТТ-ВКСНДТС-ТАНДТС от 10 сентября 2012 г., регулирующее применение положений УК Вьетнама 1999 г. о ряде преступлений в сфере информационных технологий и телекоммуникаций, который устанавливает порядок и процедуры сбора электронных данных, преобразования электронных данных в доказательства: «Электронные данные — это информация, содержащаяся на электронных носителях. Электронные данные можно рассматривать как доказательства». Таким образом, согласно этому Циркуляру, электронные данные впервые считаются доказательством. В УК Вьетнама 2015 г., добавлено 05 новых преступлений, связанных с областью информационных технологий и телекоммуникаций. С научной точки зрения можно сказать: дополнение источника электронных данных доказательств в первую очередь создает правовую основу для борьбы с преступлениями с использованием высоких технологий и в то же время создает единство, совместимость и консенсус между двумя кодексами (УК и УПК).

Кроме того, хотя УПК 2003 г. не упоминает вопрос об электронных данных в качестве источника доказательств в уголовном судопроизводстве, электронные данные упоминаются в положениях других законов. Ст. 82 ГПК Вьетнама 2005 г. предусматривает следующие источники доказательств: «Доказательства собираются из следующих источников: 1. Материалы, которые можно

читать, слышать или видеть» означает с научной точки зрения источник доказательств может пониматься в соответствии с положениями ГПК Вьетнама 2005 г., включая электронные данные (по сути, форма электронного сигнала, который можно прочитать, услышать и увидеть). Или в Законе об электронных транзакциях 2005 г. имеется положение об электронных сообщениях, в том числе: электронные данные (ст. 10). Информации в сообщениях данных нельзя отрицать юридическую ценность из причины, такой информации представлена в форма сообщений данных (ст. 11) и электронные сообщения имеют ценность в качестве доказательства (ст. 14). Следовательно, требуется, чтобы специальное законодательство признало юридическую ценность электронных данных, в УПК также должны быть положения об электронных данных и их юридическое значение (как источник доказательств), имеющие основания для применения.

С практической точки зрения. В области общественного порядка и безопасности использование информационных технологий и телекоммуникаций для совершения преступлений увеличивается как по количеству случаев, так и по ущербу, многие атаки устанавливают вредоносный код, шпионское ПО на госорганы, агентства и частные организации, крадущие личную информацию, совершающие онлайн-мошенничество, причинение серьезного ущерба. В отчете, выпущенном по программе оценки кибербезопасности, проведенной KAV Technology Group (январь 2020 г.) только в 2019 г. ущерб, нанесенный компьютерными вирусами вьетнамским пользователям, достиг рекордных 20 900 миллиардов донгов (почти 902 милл. долларов США), что намного превышает 14 900 милл. донгов в 2018 г. [4].

В прошлом времени электронные данные собирались в процессе борьбы с преступлениями с использованием высоких технологий и телекоммуникационные сети эффективно использовались для разведки, расследования, судебного преследования и рассмотрения уголовных дел, связанных с информационными технологиями и телекоммуникациями, в различных формах, которые превращены в доказательства, однако УК Вьетнама 2003 г. не предусматривает этот источник доказательств.

Исходя из вышеизложенного, авторы считают, что предоставление электронных источников доказательств в ст. 87 УПК Вьетнама 2015 г. является целесообразным, синхронным и отвечает требованиям как теории, так и практики.

2. Источники доказательств электронных данных

Ст. 99 УПК Вьетнама 2015 г. гласит, что «Электронные данные — это символы, буквы, числа, изображения, звуки и т. п., созданные, сохраненные, переданные или полученные с помощью электронных средств».

Отражение — общее свойство всех материальных объектов, В. И. Ленин говорил: «всякая материя имеет внутреннее свойство, по сущности как ощущение, характеристика отражения» [5], под доказательством понимается информация, отраженная от следов пре-

ступления. Теория доказательств показала, что следы преступления являются результатом движения материалов. Таким образом, в широком смысле электронные данные также являются формой преступных следов, содержащихся в электронных средствах, компьютерных сетях, телекоммуникационных сетях, линиях передачи и других электронных источниках, которые использовались в качестве орудия или средства для совершения преступления. Компетентные органы получают электронные данные с помощью технических средств и оборудования. Информация, отраженная из электронных источников данных, полностью доказывание [3].

С точки зрения науки уголовного расследования, когда электронные данные собираются способами, предусмотренными УПК, и удовлетворяют свойствам доказательства, они считаются доказательствами. Электронные данные, рассматриваемые как доказательства, могут быть разделены на следующие две категории:

(1) Электронные данные, генерируемые компьютером, такие как: «файлы cookie», «URL-адреса», емейл logs, веб-сервера logs и т. п.

(2) Созданные человеком электронные данные, хранящиеся в компьютерах или электронных средствах, — это документы и данные, созданные в результате поведения человека и хранящиеся в электронной памяти, такие как текст, таблицы, цифровые изображения, электронная почта, веб-страницы, пользовательская информация об услугах, содержание онлайн-чаты [6].

Однако обнаружение, сбор, сохранение и оценка доказательств этого типа очень сложны, потому что: *во-первых*, это нетрадиционный источник доказательств; согласно предыдущей концепции, источником доказательства являются существующие вещи или события, но электронные данные — это не вещь или событие, а символы, буквы, числа, изображения, звуки или аналогичная форма, созданная, сохраненная, переданная или полученная электронным способом, которые предоставляют информацию о преступном событии; *Во-вторых*, электронные данные, генерируемые в сетевой среде, представляют собой «виртуальное пространство» без территориальных границ.

Доказуемая ценность электронных данных определяется способом создания, хранения или передачи электронных данных; способом обеспечения и поддержания целостности электронных данных; способом определяется отправитель и другие соответствующие факторы; ссылаясь на положения ст. 15 Закона об электронных транзакциях 2005 г., ст. 99 УПК Вьетнама 2015 г., информация, полученная из электронного источника данных, будет считаться доказательством при удовлетворении следующих условий: *во-первых*, содержание этого электронного данные доступны и могут быть использованы для справки при необходимости; *во-вторых*, содержание таких электронных данных хранится в том же формате, в котором оно было создано, отправлено, получено, или в формате, который позволяет точное представление содержания данных; *в-третьих*, эти электронные данные

хранятся в форме, которые можно определить источник, место назначения, дату и время отправки или получения электронных данных. Кроме того, в соответствии с ст. 86 (Доказательства) и ст. 108 (Исследование и оценка доказательств) информация, которая хочет считаться доказательством, должна иметь все три свойства доказательства, которые являются объективными (достоверными), относящимися к делу и законными.

Таким образом, можно понять, что информация, полученная из электронных данных, которая должна рассматриваться как доказательство, помимо соответствия конкретным условиям этого типа источника, также должна обладать всеми тремя свойствами доказательства в целом.

3. Некоторые предложения по совершенствованию положения об электронных данных

В настоящее время электронные данные упоминаются в Законе об электронных транзакциях 2005 г., как источник доказательств, это также указано в статьях 87, 88, 99, 107 УПК Вьетнама 2015 г. Кроме того, ч. 3 ст. 223 УПК Вьетнама 2015 г. также упоминает «конфиденциальный сбор электронных данных» как специальную следственную и процессуальную меру. Помимо отдельных положений о сборе электронных средств и электронных данных (ст. 107), другие действия, такие как сохранение, печатывание, проверка, оценка и т. д., по-прежнему соответствуют действующим общим правилам. Однако электронные данные — это другой источник доказательств по сравнению с традиционными источниками доказательств, поэтому должны быть конкретные руководящие принципы по процессу изъятия и восстановления для этого типа доказательств, чтобы защитить целостность данных, сохраняя доказательную ценность данных.

Во-вторых, необходимо развитие команды экспертов по сбору электронных данных и экспертизы: экспертов по кибербезопасности, экспертов по уголовному правосудию, отвечающих за оценку электронных данных. Повышение профессионального потенциала и научно-технической квалификации следователей

в подразделениях и населенных пунктах. Кроме того, необходимо разработать систему технической инфраструктуры, оборудования и механизмов для обнаружения, сбора, сохранения, эксплуатации и использования электронных данных, что является неотложным требованием в нынешней ситуации — сильное развитие информационных технологий, телекоммуникации и различные типы электронных носителей и цифрового оборудования создают серьезные проблемы для профессиональных органов.

В-третьих, электронные данные являются источником доказательств особого характера, поэтому при сборе, проверке и оценке процессуальных органов должна быть координация между многими силами. В то же время сильное развитие ресурсов за пределами государственного сектора также открывает возможности для координации между физическими лицами и организациями, специализирующимися в области информационных технологий и телекоммуникаций, с компетентными органами в сборе, проверке и оценке доказательств из электронных источников данных. Чтобы обеспечить оперативность и своевременность действий по сбору электронных данных при наличии информации о преступлениях, процессуальный орган должен оперативно координировать действия с другими органами для сбора, резервного копирования и восстановления данных в кратчайшие сроки, чтобы избежать случая, когда преступники могут удалить, изменить или другие уловки, чтобы скрыть электронные данные. Кроме того, электронные данные являются источником доказательств, которые существуют в киберпространстве без территориальных границ, поэтому необходимо усилить деятельность по международному сотрудничеству, такую как координация с Интерполом, Азиатполем и следственными органами других стран, повысить эффективность сотрудничества, обучение, и обмен международным опытом сбора, оценки и использования электронных данных в качестве источников доказательств.

Литература:

1. Уголовный кодекс Вьетнама 2015 г. (с изм. и доп. в 2017 г.).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Вьетнама 2015 г. (с изм. и доп. в 2017 г.).
3. Совместный циркуляр № 10/2012/ТТЛТ-ВСА-ВQP-ВТР-ВТТ&ТТ-VKSNДТС-TANDТС от 10 сентября 2012 г. Министерства общественной безопасности — Министерства национальной обороны — Министерства юстиции — Министерства информации и коммуникаций — Верховной народной прокуратуры — Верховного народного суда.
4. Сводный отчет: прогноз тенденций в области кибербезопасности на 2019 и 2020 годы группы ВКАВ — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://m.bkav.com.vn/tin_tuc_noi_bat/-/chi_tiet/669034/tong-ket-an-ninh-mang-nam-2019-va-du-bao-2020.
5. В. И. Ленин: Полный том, Изд-во. Национальная политика, Ханой, 2005, т. 18.
6. Нгуен Тхань Туи (2017), «Некоторый опыт изъятия, сохранения и использования электронных доказательств в расследовании и судебном преследовании», Прокурорский журнал, № 21/2017.

КРИМИНОЛОГИЯ И КРИМИНАЛИСТИКА

Зарубежный опыт отыскания доказательств с использованием цифровых технологий (на примере США)

Володин Андрей Викторович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

Многие процедуры криминалистического исследования информационных систем и сетей связи не могут производиться в полевых условиях. Подбор сложных паролей требует применения мощных рабочих станций, а то и кластера из них. Отдельные научные методики и вовсе требуют специальных условий, исключающих нежелательное воздействие на объект исследования, которые могут быть созданы только в лабораторном комплексе [4]. Для достижения единообразия подходов в сборе электронных доказательств и обеспечения результативности криминалистических исследований таковых в феврале 1998 года была создана научная рабочая группа в сфере цифровых следов, в которую вошли организации (правоохранительные, образовательные, коммерческие), активно вовлечённые в работу с цифровыми и мультимедийными доказательствами, в том числе, Секретная служба США, ФБР, Министерство обороны США, территориальные органы полиции и прокуратуры, университет Колорадо, национальный институт стандартов и технологий [5]. К настоящему моменту в результате двадцатилетней практики рабочая группа сформулировала методики работы с вычислительными системами и их сетями, способствующие отысканию, закреплению и представлению электронных доказательств по уголовным делам.

Так, эксперту-криминалисту надлежит ознакомиться с документами, предоставленными должностным лицом, назначившим производство исследования для того, чтобы определить, какие шаги необходимы для подготовки заключения. Помимо того, в ходе ознакомления с документами необходимо убедиться в наличии законных оснований для назначения исследования и существовании полномочий у лица, назначившего данное исследование.

Физические условия производства исследования (в том числе, электроснабжение, охлаждение) не должны оказывать искажающего влияния на собирание и исследование доказательств.

При подготовке к исследованию следует исходить из возможности применения методик противодействия (устройства, предназначенные для повреждения или уничтожения объекта исследования; программные меха-

низмы изменения информации, подлежащей исследованию).

Традиционные методы исследования (сбор отпечатков пальцев, ДНК) надлежит завершить к моменту начала исследования электронной информации.

Следует исключить, или хотя бы минимизировать, воздействие на исследуемую информационную систему. В случае невозможности исключить изменение исследуемой информационной системы, процесс исследования должен быть зафиксирован настолько подробно, чтобы можно было понять, какие именно изменения в исследуемом объекте в результате возникли. По возможности процесс был должен быть повторяемым настолько, чтобы в результате тех же действий над исследуемой информационной системой был получен тот же самый результат.

Применяемое аппаратное и программное обеспечение подлежит описанию в целях фиксации пределов, в которых возможно производство исследования.

Сохранение данных с исследуемой информационной системы выполняется в формате, исключающем искажение сведений, представляющих значение для расследуемого уголовного дела, в том числе, метаданных [1].

Эксперту-криминалисту требуется определить, какие устройства могут содержать сведения, представляющие интерес для расследуемого уголовного дела (учётные данные, пароли, документация, ключи шифрования, сетевые реквизиты).

Важно определить текущий статус исследуемой информационной системы. Например, системный блок персонального компьютера, находящийся в режиме энергосбережения, может выглядеть, как выключенный, но фактически в целях исследования работа с ним должна выполняться как с включённым. Выключенную рабочую станцию включать не следует.

Далее объект исследования изучается на предмет наличия механизмов потенциального разрушающего воздействия в целях противодействия снятию информации. При выявлении таковых следует обесточить системный блок путём физического отключения кабеля электропитания, а, в случае исследования портативного компью-

тера, и аккумуляторной батареи. Выявление противодействия исследованию требуется задокументировать с указанием всех предпринятых в ходе исследования манипуляций. Объект исследования надлежит отключить от вычислительных сетей.

Поиск информации на исследуемой информационной системе может включать внешние носители, в том числе, подключаемые через вычислительные сети. В протоколе исследования работающей информационной системы следует отразить, в том числе, подключённые файловые системы, применение файлового или дискового шифрования; отображаемые документы или иные файлы, представляющие интерес для расследуемого уголовного дела; запущенные виртуальные машины; сетевые хранилища; специфические устройства («умный дом», средства аудиовидеотрансляции). По возможности следует сохранить содержимое оперативной (энергозависимой) памяти и временных системных файлов.

Устройства, подлежащие исследованию, следует сфотографировать с указанием состояния на момент исследования (включено или выключено; какие файлы открыты) и физических характеристик (повреждения; признаки, способствующие идентификации; серийные номера; разъёмы для внешних подключений) [3].

В дальнейшем исследование сводится к отысканию сведений, имеющих значение для расследуемого уголовного дела, в целях чего могут быть исследованы: оперативная память; открытые файлы; метаданные файлов; криптоконтейнеры; файлы журналирования событий;

файлы СУБД; интернет-браузеры; клиенты служб электронной почты; клиенты социальных и файлообменных сетей; удалённые файлы; таблица разделов; структура дисков; последовательность загрузки [2].

В процессе исследования может потребоваться получить образ работающей исследуемой информационной системы в случае, если она задействует криптографические механизмы. В этом случае в оперативной памяти или временных файлах могут содержаться ключи шифрования. Следует принимать во внимание, что некоторые средства шифрования позволяют сохранять механизмы аварийной дешифровки локально или на отделяемом носителе. Помимо того, получение ключевых носителей возможно и нетехническими методами (получение носителей от собственника информационной системы, отыскание их в ходе обыска) [1].

Протокол исследования должен отражать информацию о том, когда были получены (или собраны) объекты исследования; как именно и от кого; сведения о том, как именно объекты исследования могут быть идентифицированы. Протокол должен содержать результаты исследования, описанные исключающим неоднозначность восприятия способом, с применением терминологии, не требующей специальных познаний. Должны быть отражены сведения, полученные в ходе восстановления или извлечения. Оценочные суждения эксперта-криминалиста, не являющиеся достоверно установленными в ходе исследования фактами, должны быть обозначены соответствующим образом [6].

Литература:

1. Best Practices for Computer Forensic Acquisitions. — Текст: электронный // SWGDE: [сайт]. — URL: <https://www.swgde.org/documents/published> (дата обращения: 30.09.2021).
2. Best Practices for Computer Forensic Examination. — Текст: электронный // SWGDE: [сайт]. — URL: <https://www.swgde.org/documents/published> (дата обращения: 30.09.2021).
3. Best Practices for Digital Evidence Collection. — Текст: электронный // SWGDE: [сайт]. — URL: <https://www.swgde.org/documents/published> (дата обращения: 30.09.2021).
4. Collection of Digital and Multimedia Evidence Myths vs Facts. — Текст: электронный // SWGDE: [сайт]. — URL: <https://www.swgde.org/documents/published> (дата обращения: 30.09.2021).
5. Scientific Working Group on Digital Evidence. — Текст: электронный // FBI: [сайт]. — URL: <https://archives.fbi.gov/archives/about-us/lab/forensic-science-communications/fsc/april2000/swgde.htm> (дата обращения: 30.09.2021).
6. Requirements for Report Writing in Digital and Multimedia Forensics. — Текст: электронный // SWGDE: [сайт]. — URL: <https://www.swgde.org/documents/published> (дата обращения: 30.09.2021).

Рост преступности несовершеннолетних: причины, последствия, меры противодействия

Полуничев Артур Игоревич, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Данная статья посвящена такой актуальной проблеме, как рост числа преступлений, совершённых несовершеннолетними. Автор статьи даёт общую характеристику современной несовершеннолетней преступности, приводит статистические данные, обращает внимание на причины её роста и последствия, к которым он приводит. Кроме того, автором предложены меры по противодействию развитию преступности среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступление, противодействие преступности, криминология, причины роста.

В настоящее время актуальной проблемой является рост числа преступлений, совершенных несовершеннолетними (в данной статье как равнозначный используется термин «подросток»). Данная общемировая тенденция не обошла стороной и Россию, где можно отметить снижение возраста криминальной активности несовершеннолетних.

Несовершеннолетние преступники являются определённым резервом для взрослой преступности, что в совокупности со свойственными юным преступникам жестокостью, цинизмом и высокой латентностью такой преступности (преступлений совершается, по данным различных источников, в 2–4 раза больше, чем регистрируется) делает эту проблему крайне важной.

По данным прокуратуры [6], ежегодно несовершеннолетними совершается более сорока тысяч преступлений (большинство из них — умышленные). Последние несколько лет заметна тенденция к увеличению числа преступлений, совершенных несовершеннолетними. Прежде чем рассмотреть причины роста преступности несовершеннолетних, необходимо дать краткую **характеристику её современному состоянию**.

Помимо указанных выше характеристик, она является преимущественно групповой (более 50% преступлений несовершеннолетние совершают в группе), что связано с потребностью в общении и объединении, а также желанием получить то, что они не смогли получить в семье. Среди несовершеннолетних преступников большинство воспитывались в неполных семьях. Среди них высок удельный вес тех, кто ранее совершал преступления. Стоит отметить, что четверть преступников на момент совершения преступления нигде не работала и не училась.

Рост преступности среди несовершеннолетних ведёт к ряду негативных **последствий**. Одним из них является рост уровня преступности, так как по статистике девять из десяти юных преступников продолжают свою преступную деятельность после достижения совершеннолетия. Более того, рост преступности среди несовершеннолетних является одним из факторов ухудшения социально-политической ситуации в стране.

Эта тенденция имеет множество **причин**.

Значительное влияние на формирование личности человека оказывает семья, поэтому одной из ведущих причин является *влияние семьи* на несовершеннолетнего. Как было сказано выше, более половины преступников, не достигших совершеннолетия, воспитывались

в неполных или неблагополучных семьях. Но среди преступников есть и те, кто воспитывался в полных и благополучных семьях. Из этого следует, что финансовое положение семьи не является единственным фактором, оказывающим отрицательное влияние на подростка. Причинами, по которым несовершеннолетний решается на преступление могут быть: отсутствие эмоциональной связи с родителями, и, как следствие, поиск ей замены в неформальных группах, которые далеко не всегда оказывают положительное влияние на подростка; жестокое обращение или насилие в семье, а также неблагоприятная в ней обстановка (алкоголизм, частые ссоры, драки и тому подобное); негативное влияние одного из членов семьи, с которым у подростка есть эмоциональная связь; проблемы с социализацией или неразвитость основных моральных качеств личности (которые, в первую очередь, формируются в семье), искаженное к ним отношение; отсутствие контроля за поведением несовершеннолетнего.

Особняком стоит присутствие у несовершеннолетних преступников *чувства безнаказанности*. В особенности это касается лиц, не достигших возраста четырнадцати лет (большинство из них осознают, что не понесут наказания за совершенное деяние. Это показывает слабость уголовно-правовых мер воздействия на несовершеннолетних и ведёт к необходимости снижения возраста уголовной ответственности.

Ещё одним фактором является *повышенная внушаемость* несовершеннолетних. Это тесно связано с групповым характером большинства преступлений, совершенных несовершеннолетними, так как на многие из этих групп оказывают влияние более взрослые представители криминального мира, которые нередко являются подстрекателями к совершению преступления, но сами обычно уходят от ответственности. Принимая во внимание то, что не все преступные группы несовершеннолетних в момент своего формирования были направлены на совершение противоправных деяний, можно сделать вывод, что именно внешнее вмешательство, скорее всего, способствовало их становлению на криминальный путь.

Влияние на несовершеннолетних оказывают и средства массовой информации, в которых романтизируется преступный образ жизни (при этом нередко создаётся негативный образ представителей правоохранительных органов), и разного рода сообщества, пропагандирующие преступный образ жизни. Имеет значение *недостаток жизненного опыта*, из-за чего несовершеннолетние

не всегда могут понять истинные мотивы взаимодействующих с ними людей, что в итоге приводит к печальным последствиям.

Экономическая нестабильность и потребность несовершеннолетнего в денежных средствах, усиленные тем, что незаконный способ получения денег выглядит в глазах подростка более привлекательным (что напрямую связано с вышеназванным негативным влиянием СМИ) приводят к тому, что он идёт на совершение преступления.

К причинам, влияющим на рост преступности среди несовершеннолетних стоит отнести и такие как: психические отклонения (которые могут стать причиной совершения несовершеннолетним насильственных преступлений); низкий уровень правовой культуры (отсутствие понимания важности соблюдения законов); распространение употребления алкоголя и наркотиков (то есть совершение преступлений в состоянии опьянения); более редкой причиной является неустроенность досуга (совершение мелких преступлений от безделья или «на спор»).

Влияние всех названных выше причин (факторов) остаётся значительным из-за недостаточной эффективности профилактической работы. Снижение её эффективности происходит из-за ряда причин: недостатка квалифицированных кадров (в частности, педагогов-психологов); недоверия подростков к представителям власти (под влиянием средств массовой информации и ближайшего окружения); неразвитости механизмов заблаговременного выявления склонности к совершению преступлений; недостаточно эффективной деятельности органов опеки и попечительства.

В связи с актуальностью проблемы роста преступности среди несовершеннолетних, необходимо разрабатывать и внедрять в практическую деятельность различные меры противодействия. Автором данной статьи,

на основе анализа различных источников, предложен ряд подобных мер.

Во-первых, необходимы дальнейшая поддержка малообеспеченных семей и повышение уровня жизни граждан в целом, что должно способствовать уменьшению числа преступлений, совершённых из корыстных побуждений.

Во-вторых, необходимо активно выявлять лиц, пропагандирующих в среде несовершеннолетних криминальную культуру, а также минимизировать назначение несовершеннолетним наказания в виде лишения свободы, так как применение этого вида наказания способствует «укоренению» их в преступной среде.

В-третьих, необходима активизация деятельности уполномоченных органов по выявлению семей с криминальной обстановкой и заблаговременному изъятию из них детей. Как следствие, необходимо улучшение условий содержания детей в детских домах и недопущение формирования и развития в них криминальной обстановки.

В-четвёртых, должны осуществляться дальнейшая разработка и активное внедрение методов выявления склонности к совершению преступлений.

В-пятых, необходимо повышение уровня правовой культуры несовершеннолетних, формирование уважительного отношения к закону.

В-шестых, в совокупности с вышеназванными мерами, следует прибегнуть к снижению возраста уголовной ответственности, которое станет для несовершеннолетних устрашающим фактором.

В заключение обращаю внимание на то, что проблема преступности среди несовершеннолетних (в том числе — проблема её роста) требует всестороннего теоретического исследования, для расширения списка причин её формирования и развития и разработки наиболее эффективных методов борьбы с ней.

Литература:

1. Криминология: учебник / отв. ред. В. Е. Эминов. — Москва: Проспект, 2020. — 386 с.
2. Баев Виктор Васильевич, Бигалиева Яна Гератовна, Исаенко Алена Сергеевна, Плутенко Даниил Сергеевич Преступность несовершеннолетних // Кронос. 2021. № 1 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-nesovershennoletnih-1> (дата обращения: 16.10.2021).
3. Горячко Рената Валерьевна, Громов Владимир Геннадьевич Групповая преступность несовершеннолетних // Проблемы науки. 2017. № 11 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grupповая-prestupnost-nesovershennoletnih-1> (дата обращения: 16.10.2021).
4. Вагенлейтнер Ольга Юрьевна Преступность среди несовершеннолетних // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-sredi-nesovershennoletnih> (дата обращения: 17.10.2021).
5. Антонян Юрий Миранович, Гончарова Мария Витальевна Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-prichiny-prestupnosti-nesovershennoletnih-v-rossii> (дата обращения: 17.10.2021).
6. Российская Газета // URL: <https://rg.ru/2020/04/20/genprokuratura-soobshchila-o-roste-podrostkovoj-prestupnosti-v-strane.html>

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 05.01.2022. Дата выхода в свет: 10.01.2022.

Формат 60 × 84/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.